

Мария
Суворовская

Качели
над Каспием

Мария
Суворовская

Жаңылы
над Каспием

2018

УДК 811.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С89

Суворовская Мария Сергеевна
С89 **КАЧЕЛИ НАД КАСПИЕМ.** – Москва:
Издательство «Перо», 2018 – 120 с.

ISBN 978-5-00122-779-3

Каждый из нас хотя бы раз в жизни становился заложником судьбоносных качелей. Переполняющие эмоции, не давая покоя, могут раскачивать нас до бесконечности. Но всегда есть возможность остановиться. Сделать выбор, принять себя, близких, заменить адреналин на спокойствие и стабильность. Что лучше – тишина или драйв? Риторический вопрос. И каждая из героинь этой повести принимает своё решение, которое меняет будущее и перенаправляет вектор жизни. Женщины, описанные на этих страницах, объединены одним сильным и глубоким чувством, возникшим на берегу Каспийского моря. Вдохните запах Каспия, ощутите вкус восточных сладостей и погрузитесь в повесть, в которой главная героиня – любовь.

УДК 811.161.1
ББК 84(2Рос=Бур)6-44
ISBN 978-5-00122-779-3

© Суворовская М.С., 2018

ШЕКЕРБУРА	4
Рецепт шекербуры	21
ГРАНАТОВЫЙ СОК	25
Рецепт гранатового сока	45
ДОЛМА	47
Рецепт долмы	57
ПАХЛАВА	59
Рецепт пахлавы	74
ШАКШУКА	77
Рецепт шакшуки	91
ПЛОВ	93
Рецепт бакинского плова с сухофруктами	104
КУТАБЫ (эпилог)	106
Рецепт азербайджанских кутабов с зеленью	109
Мария Суворовская. Стихи	112

ШЕКЕРБУРА

Кусая шекербуру, запивая её ароматным кофе, смешивая горьковатый привкус обжаренных зёрен со сладкой ореховой начинкой, начинаешь воспринимать осень по-другому – в ней появляется абсолютно уютная нега. Сахарные фундук и миндаль наполняют тебя магическим вкусом. И время останавливается. Шекербура – сахарная завитушка – удивительное печенье родом из Ирана, выпекается в основном на праздник весеннего равноденствия Навруз-байрамы. Шекербура словно по волшебству возрождает в Таше солнце. Когда-то любимый человек научил её именно так начинать день. И теперь, когда тяжело или атакует усталость, Таша варит крепкий кофе и, нарушая все диеты, съедает калорийную сладость. Таше бесконечно нравится рассматривать узоры джынагы. Они наносятся на одну сторону лакомства приспособлением наггаш и напоминают пшеничные колосья. Колосья на печенье – как нити событий, их много, они соединены в один правильный узор, в одну жизнь. В которой всё так, как должно быть. Причины настоящего не в прошлом – они в будущем.

Лёгкой сухой прохладой в столице обосновалась осень, солнечными бликами растворяясь между домов, вселяя умиротворение и спокойствие. Всё неизбежно. Когда падают листья, приходит осознание, отчётливое ощущение, что все циклично. И всё сменяет друг друга.

Жизнь и смерть. Прошлое и настоящее. Настоящее и будущее. Молодость и старость. Всем одинаково не хочется стареть. Телом. Душой. И даже украдкой мечтается, чтобы не старело прошлое. Впрочем, разве можно говорить о старении прошлого? Прошлое замирает. Останавливается в том месте, в котором нажимаешь кнопку «стоп». Чтобы потом многократно прокручивать, переживать, переоценивать, злиться и радоваться, сокрушаться, сожалеть об ошибках и, конечно, любить. Любить так, как можно любить только там. Нежно, трепетно, на одном вдохе или отчаянном выдохе, чувствуя каждый удар сердца, каждый момент дня. Глотая воздух с привкусом волшебства. Там всё иначе. Прошлое никогда не стареет. Оно даже как хороший коньяк с годами становится лучше. Потому как плохое имеет свойство забываться, а хорошее – приукрашиваться.

Таша точно знала, прошлое – это единственное, что делает нас навсегда молодыми. Мы остаёмся там, далеко-далеко, и в чужих воспоминаниях продолжаем вести свою, параллельную основную жизнь.

– Зайза, – сын тащил рычащего шпица к двери. Тот периодически скулил и пытался вырваться.

– Гоша, отпусти собаку. И кто научил тебя так ругаться? – Таша сделала максимально строгий голос.

– Не знаю, – пробурчал сын.

Всё внимание было сосредоточено на шпице. Пёс визжал, а Гоша продолжал двигать собаку за собой, то беря её на руки, то уставляя, бросая и таща за шерсть.

Гоша в своём трёхлетнем возрасте на лету схватывал слова, выражения, фразеологизмы, моментально включая их в лексикон. Букву «р» он не выговаривал, и слово «зараза» звучало в его исполнении мягко, забавно и иронично. Шпиц понравился малышу на фотографии в журнале, и Таша, желая порадовать ребенка, поехала и купила собаку. Дома уже были алабай, чихуахуа и кот мейн-кун. Но... Иногда взрослые радуют детей, чтобы испытать сатисфакцию самому. Подтвердить, что они хорошие родители, поддерживающие инициативы

подростающего поколения. У Таши в детстве не было столько животных. Персидский кот-меланхолик, один на всю семью, больше напоминал маленькую плюшевую игрушку, застывшую в красивой позе на диване. Теперь же Таша вкушала все радости ответственности за подопечных и прирученных.

– Всё, оставь собаку. Надо ехать. Мы уже опаздываем, – Таша забрала Ёжика. Так питомца называл сын.

Октябрь был непривычным, без дождя и слякоти. Несмотря на то, что прохладный ветер всё-таки обозначал середину осени, можно было продолжать щеголять в пиджаке или лёгком пальто, наслаждаясь очарованием жёлтой листвы и свежего утра. Утро, кстати говоря, не задалось. Кофемашина отказалась работать. Пришлось достать турку. Гоша протестовал против сборов в детский сад, продолжая сидеть наполовину одетым в кровати. А теперь – мучая пса, в трусах и натянутых на голые ноги резиновых сапогах. Их большой дом в утренние часы превращался в хаос, все бегали, спешили, круша и сметая всё на своём пути. Цель была одна – успеть, не опоздать. Сегодня все уехали раньше них с Гошей, и можно позволить себе собираться вальяжно, без скорости. Но всё равно приезжать в сад на два часа позже остальных детей некорректно. Таша всегда отличалась пунктуальностью и всей внутренней дисциплиной ненавидела опаздывать, тем более беспричинно. Но теперь, наплевав на бытовые неурядицы, стоя около окна, в котором напоследок веселилась осень, ей совсем никуда не хотелось. Чашка кофе грела руки, мысли убегали далеко и не стремились быстро возвращаться. Вкус шекербурсы уносил в солнечные бакинские улочки. Хотелось погрузиться глубоко в себя, бродить по аллеям памяти, копаться в мельчайших деталях прошедших событий и чувствовать в районе солнечного сплетения желанное тепло. Тепло волнительное, лёгкое, обнадёживающее. Таша ещё умеет чувствовать и любить. Тепло об этом напоминает.

– Гоша, снимай немедленно сапоги. Надевай колготки и джинсы. Всё лежит на кровати, – Таше пришлось со вздохом вернуться к реальности.

Она знала, что, демонстративно плача и топая ногами, Гошик всё равно оденется сам и будет готов минут через десять. Значит у неё есть время быстро накраситься и уложить волосы. Последние пять месяцев её жизни заметно перевернули быт. Она долго ждала, что в её доме появится это чудо – маленький ребёнок. Да, она видела его именно таким – активным, громким, ярким. Таким он должен был вырасти через пару лет после рождения. Но у Таши сразу появился трёхлетний сын. Сын. Как это звучит! Когда она это проговаривает, её распирает гордость. Она растит мужчину. И ради этого мужчины она готова на всё. Гошик вертит ею, пытается манипулировать, а ей это даже нравится. Любовь к сыну – это особая любовь к мужчине. Мужчине, которого создаешь ты. Гоша появился в её жизни в первые дни лета. Когда уже потерялась надежда. Ирония судьбы: если бы четыре года назад всё сложилось иначе, у неё мог бы быть такой биологический сын. Сын от человека, которого Таша из прошлого где-то в параллельной вселенной продолжает любить, страстно и по-особенному. Но жизнь не терпит сослагательных наклонений.

Таша с Гошей наконец собрались и сели в машину. Солнце плескалось в осенней лазури неба. Хотелось открыть окна, включить музыку и ехать долго-долго – в большое путешествие, любоваться подмосковным лесом вдоль дорог, горящим оранжевыми оттенками, разбавленными охрой. Хорошо жить за городом, можно видеть природные изменения, смену времён года. По радио, перебивая музыкальную композицию, бодрый утренний диджей вещал о позитивном настрое, противостоянии осенней депрессии и необходимости чашки кофе в эти утренние часы. Отметающие всю суету, такие будничные поездки наполнены романтикой. И, если научиться замечать в цейтноте простые радости, можно становиться счастливее, свободнее и гармоничнее. Гармония – это успешные переговоры с самим собой. Порою мы знаем, как договориться с мужем, партнёром, клиентом... И не знаем, что предложить себе, чтобы жить стало лучше, спокойнее, веселее. Убивая себя излишним перфекционизмом и самоанализом,

мы сжигаем внутреннюю душевную микрофлору. Но при этом хотим, чтобы на этих выжженных полях расцвёл город-сад. А так не бывает. Только успокоив себя, поливая лучшие ростки в своём сознании, можно ожидать цветы счастья. Простого счастья. Когда не трясёт, не беспокоит, не взрывает страхами, не мучает фобиями и паническими атаками. Было время, когда Таша не знала, как перестать себя изводить, прыгать в пропасть с обжигающей лавой ненависти. Добрый, искренний человек. Именно человек. Ещё пять лет назад Таша была лёгкой, воздушной, открытой нараспашку эмоциям, миру, людям. Она просыпалась с мыслью о любви и творчестве, а засыпала с мечтами о будущем дне. Пока планы, в которые она так сокровенно верила, не рухнули. Больно. Вдребезги.

– Вы что-нибудь пили? – спросил анестезиолог.

– Да, глоток сока, – ответила тогда Таша.

– Кто разрешил ей пить? Почему не предупредили? – врач ругался, казалось, на всех одновременно в операционной.

– Не ругайтесь. Мне сказали. Я выпила машинально... Я не подумала...

– Ладно, готовим... Мы вколем вам наркоз, считайте в обратном порядке от десяти.

Она никогда не забудет свет той операционной лампы. Этот обратный отсчёт. После которого началась другая жизнь. Да, она выпила сок. Потому что ничего не соображала. Руки не слушались, слёзы лились, она не помнила, как поднялась в палату из кабинета УЗИ. В котором совершенно бесчувственная тётка сказал ей, что сердце её с Русланом ребёнка не бьётся. Просто не бьётся. В её понимании, это рядовой случай. Воткнула аппарат, сказала, на выход. Никакого сожаления, сочувствия. Обычная городская больница. Где никто не обязан, наверное, говорить особенные слова. Или просто утро у той тётки было угрюмым, а Таша – первой пациенткой после летучки.

– Наталья, – так Ташу звали по паспорту и так она была записана в медицинской карте, – поднимайтесь в палату, я передам информацию лечащему врачу.

– Может, оно забьётся? Может, подождать? Так же бывает? Я читала...

– Это ваше право, ждать или нет. Но я думаю, ждать нечего, надо оперировать. Не задерживайте меня, там десять человек в очереди.

И Таша вышла и пошла наверх, без мыслей, в пустоте собственного персонального горя. Ночью накануне она молилась и верила. Верила, что утром будет всё хорошо. Хотя интуиция давала сигналы – сердце остановилось. Внизу живота было холодно. Вообще было холодно везде. Может быть, в больнице плохо топили. Но не спасали ни носки, ни два одеяла, ни чай. Холод распространялся по телу, пальцы рук и ног немели. Била дрожь. Таша тихо выла. Она понимала, что, теряя ребёнка, она теряет всякую надежду на будущее с Русланом. Самый idiotский женский миф о том, что мужчину можно привязать ребёнком, к которому неглупая Таша всегда относилась скептически, засосал, заманил её перспективой быть с ним – женщиной, страсть к которому отключала всякий здравый смысл.

Наталья Сергеевна Иванова к тому дню всегда считалась хорошей девочкой: отличница, медалистка, лауреат премий, обладательница профессиональных наград, общественный деятель, пример для подражания, гордость семьи. Со школьной скамьи Таша была на хорошем счету. Везде её выбирали, выделяли, поддерживали. Она всегда совершала осмысленные поступки. Внешние импульсивность и эмоциональность на самом деле не были двигателем её решений. Таша разумно шла по жизни. И забеременела от Руслана специально и решительно. Она точно помнит тот день. Для закрепления результата она долго лежала ногами вверх и посылала сигналы космосу. Прижиться, остаться и, как казалось, наладить всё, что никак не складывалось в цельный пазл.

– Как ты назовёшь сына? – спрашивала она Руслана в постельной неге.

– Мурад, красивое имя... – подыгрывал тот её мечтам и легко импровизировал.

– Му-рад, – разделяя имя на слоги, Таша будто пробовала его. – Да, звучит. Мне нравится.

– Он будет такой же серьёзный, как я, и такой же упрямый, как ты. А ещё у него будут такие же длинные ресницы, как у тебя, Зараза Иванова.

– Нет, Зараза Рагимов, у тебя длиннее ресницы. Поэтому пусть возьмёт твои.

Таша не помнит того момента, когда они стали в шутку называть друг друга Заразами. Но был в этом свой шарм, пароль к их тайному сакральному миру. В который никто не заходил. Они никого не впускали. Неделя-две раз в полгода, оторванные от основной повседневной жизни, принадлежали только им. Они упивались друг другом. А разлетаясь по делам, в телефоне и скайпе строили сладкие планы на будущую встречу. Жизнь от встречи до встречи для Таши теряла смысл. Работа, люди и даже успехи – всё было до тошноты рутинным. И пережить это можно было только за новую радость объятий.

За полтора месяца до больницы Наталья Иванова уволилась из государственной корпорации, с хорошей должности, к которой двигалась почти десять лет по карьерной лестнице. Ушла в никуда. Обосновалась в офисе у подруги и пыталась начать свое дело. Рекламное агентство тогда было слабо похоже на предприятие. Скорее, Наташа была агентом нескольких изданий и объединяющей силой ряда фрилансеров. Искать новую работу, раскидывать резюме, отдыхать... Этого Таша не могла себе позволить. Мама, дочь, съёмная квартира. Она чувствовала себя виноватой перед семьёй за всё случившееся. Ей хотелось убедить своих, что всё хорошо, работа движется, бизнес строится, деньги есть и переживать не стоит. Сама же она каждое утро в поисках успокоения ехала в храм, стояла со свечой у иконы Николая Угодника и просила об одном – чтобы всё наладилось. Она не могла объяснить святому, богу и себе, как всё должно быть, потому как запуталась Таша окончательно. Наломанных дров хватало бы, чтобы построить целый город. Уволилась Наташа потому, что её не отпустили в очередной раз в

Баку. А солнечная столица Азербайджана манила. Голова шла кругом от желания бросить холодную зимнюю Москву и приехать в солнечный январь к улыбчивым людям, морскому горизонту и любимому мужчине. Она помнит, как ехала за рулём и объясняла начальнице, что улететь просто необходимо. До этого она всегда входила в положение. Таша была ценным сотрудником, умеющим работать на бешеной скорости на результат за десятерых. И ей многое прощалось. Марии Михайловне – вице-президенту компании по коммуникациям – по-своему нравилось следить за этим горячим, ярким романом, которым не каждого одаривает судьба. Но в тот раз она наотрез отказывалась отпустить Ташу. А у Натальи больше не было сил. Просто не было внутреннего резерва ждать. Психологическая зависимость отражалась на здоровье. Она плохо себя чувствовала, медленно работала, теряла интерес к деловым вопросам и проектам.

– Нет, Таша. Ты знаешь, я всегда входила в положение. Но ты недавно летала. Мы только запустили благотворительный марафон. Кто его будет вести?

– Я буду заниматься дистанционно, – оправдывалась Таша.

– Как ты это представляешь? Ты в правительство дистанционно будешь ездить? Или на расстоянии встречаться со спонсорами? – сарказм в её словах жестоко отдалял Наташу от бакинского праздника.

– Я возьму за свой счёт.

– Нет. Это окончательное решение. Не уговаривай, не стоит тратить ни твоё, ни моё время.

– Пожалуйста. Я болею. Мне надо отдохнуть, подлечиться... Я потом с новыми силами больше сделаю. Я больничный за десять лет ни разу не брала! – Таша с надрывом пыталась убедить начальницу сжалиться и отпустить.

– Нет. Разговор окончен, – резюмировала Мария Михайловна.

И телефон отключился. Таша на эмоциях поехала и взяла билет. Потом отправилась в магазин, купила новые платья, сапоги, аксессуары. Настроение было так себе. Переступить, нарушить принципы,

пойти против правил было непривычно. Но она уже всё решила. Неведомая сила упорно вела её к аэропорту. Мама была против. Но её советы не действовали. Даже если бы отменили все рейсы в Баку, она поехала бы на машине. Сломалась бы машина – пошла пешком. Решение было непоколебимо.

Трудно было предать, обмануть Марию Михайловну. Эта женщина по-матерински вела её десять лет в компании, пестовала, воспитывала, учила. Она многое вложила в Ташу. Помогала ей стать лучше, взрослее, как бы сказали сейчас модные бизнес-тренеры, эффективнее. Начальница знала все перипетии истории с Русланом, советовала, напутствовала. Можно сказать, они дружили, как могут дружить две женщины, связанные рабочими вопросами. Им всегда было о чем поговорить, кого обсудить. Это тесная дружба была рабочим двигателем. Доверительные отношения их тандема положительно сказывались на продвижении проектов и инициатив, они поддерживали друг друга, не давали интригам и внешним раздражителям сломать их выстроенную стратегию, которая практически всегда была успешной. Мария Михайловна успокаивала её во время развода с первым мужем, выбивала ей премии, посылала в интересные командировки. Таше было позволено больше, чем другим. И Наталья это ценила. Всё, за что бралась Наташа, приводило к триумфам компании и радости руководства. Взять билет и улететь означало отправиться в один конец. Это был вызов. Начальникам, себе, судьбе, будущему. На тот момент Таша до конца не понимала, что творит, какие последствия могут быть у этого опрометчивого поступка. Спустя годы она пожалеет, что не поговорила с начальницей по душам. Впрочем, тогда это было невозможно.

Трезвые мысли проснулись уже в Баку, к третьему дню пребывания. Лежа в ванной, Таша наконец-то поняла, что её могут уволить, как говорится, по статье. Тогда она написала заявление на отпуск за свой счёт и отправила его по электронной почте... Конечно, её уволили. Две недели спустя, по возвращении. Правда, по-человечески. По собственному желанию. Гробовая тишина в офисе, сотрудники, от-

водящие глаза в сторону, проступающие слезы при сборе в коробки личных вещей. Позже она взглянет на эту ситуацию по-другому и в целом будет благодарна судьбе за такой поворот событий. Но тогда наступила невесомость. Отсутствие опоры. Она держалась. Пыталась строить свое дело. Благо были связи, настойчивость и вера в собственные силы.

Да, она планировала беременность. Да, она хотела ребёнка от Рагимова. Да, она мечтала, что этот ребёнок чудесным образом поселит её навсегда в Баку. Она будет просыпаться в квартире на Гаджибекова, смотреть в панорамные окна на Каспий, ходить беременной в ожидании чуда по Приморскому бульвару. Придумает себе какое-то красивое занятие. Например, будет писать книги, создавать капсульные коллекции одежды или откроет маленький магазин детских вещей. Господи, где была её рассудительность? Она спала, усыпленная мечтой, иллюзией счастья. Которое, казалось, было так близко.

В день, когда она утром лежала ногами вверх, Таша отправилась в мечеть. Надела длинное глухое платье чёрного цвета и пришла в старый город в Лезгинскую мечеть. Ей хотелось попросить помощи бога. Ехать вечером далеко одной в православный храм она не решилась. До Ичери-шехер было подать рукой. Тем более, что Таша где-то вычитала, что чтение молитвы в доме другой религии усиливает её силу. Её спокойно пропустили в женскую половину, и час Таша общалась с богом. Пока женщины рядом читали намаз, она обращалась к небесам с православными молитвами, всеми, которые помнила. Таша чувствовала вибрации в теле, верила, что бог слышит её призывы подарить сына. Сына, который приблизит её к Руслану. И она перестанет бояться его потерять.

Мечеть Ашура пропитана стариной. Говорят, её построил в 1169 году мастер Наджаф Ашур Ибрагим оглу. Это в простонародье мечеть именуется Лезгинской. Так она стала называться после нефтяного бума XIX века, когда в Баку наблюдался большой приток рабочей силы, в том числе и из Дагестана. Для проведения религиозных

обрядов эта мечеть была предоставлена рабочим-лезгинам. Мечеть по объёму имеет форму параллелепипеда. На южном фасаде позднее были открыты два небольших окна. Небольшой вход в форме стрельчатой арки, расположенный в северо-восточной части мечети, ведёт в широкий однокамерный молельный зал. Таша знала и помнила, что Руслан – лезгин, родился на границе с Дагестаном, в Хачмазе. Придя в мечеть Ашура, Таша словно пыталась воздействовать на него – через его религию, через его мир, в который никогда не могла попасть полностью.

В тот вечер в Баку было очень ветрено. Ветер пронизывал. Руслан обещал поужинать вместе и не приехал. Она шла одна по городу. Чужому и родному одновременно. Она сжимала кулаки, закутывалась в лёгкую норковую накидку. Тогда Таша не понимала, что один маленький, пусть и очень желанный эмбрион не сможет побороть систему. Многовековую систему. Религию, традиции, ценности, общественное мнение.

– Ты бы вышла за меня замуж?

– Это предложение? – радостно спросила она Рагимова.

– Почти. Просто интересно.

– Если предложение, то... – выдержав паузу, – наверное, да. Как я могу тебе отказать? Тем более, Наташа Рагимова – прикольно звучит.

Глупая. Глупая и наивная девочка. Детская вера, юношеский максимализм. Повзрослевшую себя она позже будет спрашивать – зачем он задавал ей этот вопрос? Кажется, был в их истории момент, когда Руслан был готов пойти против родителей, окружения. За полгода до беременности он сажал её в самолет со словами:

– Езжай выбери свадебное платье.

И она улетала в предвкушении, с порхающими в животе бабочками.

– Алло! Алло! Иванова, я тебя не слышу. Говори громче. Или давай я тебе перезвоню, – Руслан быстро говорил на том конце провода.

– Это важно. Подожди.

– У меня переговоры. Мне неудобно говорить. Давай позже.

– Я беременна, – неловко, со скрытым ликованием сказала Таша.
– Что? Не слышу...
– Я жду ребёнка, – уже громко и более уверенно сказала Наталья.
– Перезвоню. Жди, – прошипел в трубку Руслан, словно находился в месте, где разговоры совсем запрещены.

Она тогда так и осталась стоять недвижимо около окна маленькой съёмной квартиры на первом этаже. Не понимая, что делать. Поставить чайник? Позвонить подруге? Плакать? Смеяться? Эмоции качелями раскачивали организм. Руслан перезвонил через пару часов.

– Надо делать аборт. Тебе прислать деньги? – слова острой иглой через ухо проникли в мозг.

– Ты что, сошёл с ума? Это мой ребёнок, и я его люблю. Мне всё равно, какое ты примешь решение, – речь Таши умышленно приняла официальный тон. Сердце билось. Тошнота подступала.

– Какой ребёнок? Нет там ещё никакого ребёнка. Там нет души, сердца ещё нет. Иди в больницу. Тысячи женщин делают аборт.

– Тысячи делают, а я не буду, – глаза Таши налились слезами.

– Тебе не нужен сейчас ребёнок. Мне не нужен, – слова били. Пощёчина за пощёчиной. – Ты начинаешь бизнес, ребёнок будет мешать.

– Какой бизнес? Я сейчас говорю о ребёнке, о нашем ребёнке...
– эмоции взяли вверх. – Это живое существо, созданное из тебя и меня. Неужели ты не понимаешь? Тебе его не жаль?

– Жаль, – спокойно отвечал Руслан. – Но сейчас не время. Не время, понимаешь?

– Я ненавижу тебя, – смогла выдавить Таша и положила трубку.

Два дня молчания. Два дня истерик. Мама тоже была за аборт. Потому что абсурдность ситуации переходила все границы. Мужа нет, работы толковой нет, квартиры своей нет. Нет, нет и ещё раз нет. А Таша отвечала:

– Да! Я буду рожать.

И она бы родила. И она бы воспитала. И смогла бы. И пережила бы. И всех бы переубедила. И доказала бы. Но нет у жизни сослагатель-

ного наклона. Всё так, как должно быть. И причины не в прошлом. Они в будущем, в котором у Таши другие роли. Теорема без доказательства. Всё решилось само собой. У небес свои планы на нас. Руслан перезвонил через два дня после новости. Таша несколько раз не взяла трубку. Потом ответила.

– Прости. Прости меня, – Рагимов мог и умел использовать показательно несчастный тон. Но Таше хотелось сохранить хладнокровие и не поддаться сиюминутному желанию всё мгновенно исправить. Простить.

– За что? Ты сделал выбор. Руслан, ты взрослый человек. Прощать не за что.

– Оставь ребёнка. Мы что-то придумаем. Я буду помогать.

– То есть ты не зовёшь меня замуж, не предлагаешь переехать. Ты что-то потом, где-то и когда-то придумаешь. Ты сам себя слышишь?
– Таше было уже нечего терять.

– Успокойся. Просто я не был готов к этой новости, – он, видимо, готовился к разговору, и выбить его из эмоциональной стабильности Наташе не удавалось.

– Руслан, я оставила ребёнка. Это моё решение. Ты можешь жить своей жизнью. Я ни к чему тебя не обязываю. Пока я не понимаю, как построить свою жизнь с ребёнком. Но время всё расставит по своим местам.

– Я люблю тебя, Зараза.

– Не стоит, – обида бушевала в Таше. И радоваться она не могла.

Мама давила. Деньги заканчивались. Надо было работать, ездить на встречи. Холодный февраль, общественный транспорт. На машине Таша осмеливалась передвигаться только по родному маленькому подмосковному городку. Это сейчас она колесит по Европе, Москве, дорогому сердцу Баку и везде чувствует себя как дома. А тогда всё было иначе. И на другой конец Московской области двадцать шестого марта она отправилась на электричке, потом на метро, следом на автобусе. Провела встречу, вернулась в московский офис. Замерзла,

набегалась. Зашла в туалет и увидела кровь. Руки задрожали. Быстро вызвав такси, Таша рванула домой. Позвонив подруге-гинекологу, Таша всю дорогу молилась. Смотрела в окно на грустный пейзаж ранней весны. Слякоть, мокрый снег, почти дождь, тоскливые чёрные прогалины и депрессивное серое небо. Каждой деталью вокруг мир не предвещал ничего хорошего.

Гоша подпевал радио. А Таша ехала и думала, какое красивое осеннее небо в этом октябре. Девственно чистое, без единой тучки. Дорога на работу наполняла детской радостью. И воспоминания, кружившие в голове, были не тягостным грузом, а другой жизнью, другой Ташей, к которой было любопытно возвращаться. Та Таша однозначно добрее, проще. Сегодняшняя Наталья жёстко и адекватно оценивает людей, иногда цинично делит их на нужных и не очень, когда того требуют обстоятельства. Не любит, когда её пытаются использовать и манипулировать ею. Наталья Иванова уже как три с лишним года замужем. Две попытки родить после той трагической потери не завершились успехом. Внематочная. Замершая. Что-то сбилось в материнском коде, надломилось в душе. Миллионы сданных анализов. Всё хорошо. Всё гладко. Всё абсолютно нормально. Разные клиники, талантливые врачи. Все в один голос обнадеживают следующими попытками. Но этой весной она чётко решила, что, если организм против, она пойдёт другим путём. Она перелопатила всю федеральную базу данных детей без попечения родителей, готовых к усыновлению. Окончила школу замещающих родителей. Уговорила мужа. Кирилл долго не соглашался. Но, посещая с Ташей школу по выходным, постепенно сдался и принял решение – им это нужно. Наташа раскидала запрос по всем знакомым. Понимая, что ожидание в наше время может занять годы, Таша вспомнила, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. И активно объезжала детские дома, органы опеки в регионах.

– Наталья, есть мальчик, три с половиной года. Думаем, вам с мужем надо посмотреть его, – звонок был неожиданным.

– Мы можем на выходных через неделю, – Наталья была готова вылететь хоть завтра. Но понимала, что это решение двоих и надо выбрать удобное и для Кирилла время.

– Хорошо, мы предупредим профессиональную семью. Приедете на футбольную тренировку и посмотрите. Он ходит в секцию для самых маленьких.

– Принято. Я посоветуюсь с психологом, как лучше себя вести, – ответила Таша.

– Вы интуитивно всё сделаете правильно, – успокоили на том конце провода. – Только мы хотели предупредить, что у Георгия нерусские корни. Мы не знаем точно национальность. Но вы вроде указывали, что не против другой национальности?

– Это неважно. Если можно, пришлите фотографию. Любопытно.

На фото улыбался позитивный и смешной малыш, смуглый, с раскосыми глазами и слегка приплюснутым носиком, его брови стремились срастись в одну линию, а хитрый прищур гарантировал, что парень точно будет нескучным. Таша считала дни и часы до встречи.

Был прекрасный летний день. Они сильно нервничали с Кириллом. Но как только увидели маленького Гошу, сразу поняли – он их и ничей больше. День с ним был особенным. Они испытали с Кириллом чувства, совсем позабытые, а, может, и вовсе уникальные. У Таши – одиннадцатилетняя дочь, у Кирилла – в Лондоне живет десятилетний сын. Оба родили детей в очень молодом возрасте и долго привыкали к роли родителей, а к маленьким детям в двадцать с небольшим относились как к последним куклам. Сейчас же они смотрели на Гошу как на чудо.

Георгий – «победитель». «Мурад» в переводе с персидского означает «цель». Цель, ведущая к победе. Сначала Таше казалось, что она бредит. Быть такого не может, ей кажется! Гоша лежал в любимой позе Рагимова, одну ногу положив на другую, сложенную в коленке. В свои почти четыре он шутил как Руслан. В конце концов, у них была очень схожая аура, энергетика, ощущение человека. И это не могло не поразить. Как это принимать? Как иронию судьбы?..

Ковёр из листьев вдоль городских дорог. Будто разлили краску.

Ветер треплет листья, подбрасывает их. За окном «Мерседеса» проскальзывают последние солнечные деньки этого осеннего сезона. Дальше природа будет вынуждена свернуть в сторону зимы. Таша любит осень. В это время мысли раскладываются по полочкам, можно трезво рассуждать, понимать себя. «Всё, что ни делается, – к лучшему», – в сотый раз подумала Таша. Когда душа не принимает решения судьбы, жизнь, фатальные повороты, надо просто подождать. Время лечит, пусть и не сразу. Оно словно специфическое лекарство: копится, а вместе с ним набирается потенциал начать всё заново, пережить грусть, понять, что тебе нужно на самом деле. И это может быть абсолютно другое, не то, чего ты ожидал.

Последний месяц, несмотря на общее спокойствие, Таше снятся странные сны. Будто откуда-то сверху, из космоса, её стремятся о чём-то предупредить. Снятся умершие люди, странные трансформации новостных лент, подсознание даёт сбой, включает страшные кадры. Мозг пытается донести информацию, смысл которой пока не понятен.

Таша надеется, что осень, как и много лет подряд, всё расставит по местам, всё будет так, как должно быть.

В небе летела стая птиц. Чёрные линии крыльев на ярко-голубом небе. Таша верила, что они летят туда, где вечное солнце, где тепло и не бывает морозов. Когда-то она мечтала остаться в Баку, в его утопающих в солнце домах. Каждый день смотреть на море – даже не купаться в нём. Моря можно касаться глазами, вдыхать его, погружаться мысленно в его синеву, которая как губка забирает все негативные эмоции и дарит внутреннюю свободу. В Баку свой особый запах. Говорят, что это пахнет нефтью, но Таше кажется, что это запах безмятежности, беззаботности. Ещё выходя из аэропорта, ты вдыхаешь его и становишься другим. Пропадает злоба, напряжённость, грусть, появляется юношеский задор и легкий азарт. Таша обожает ехать из аэропорта имени Гейдара Алиева в сам Баку. Южные растения, красивые заборы из известняка. Восточная сказка здесь становится близкой как

никогда. Приезжая в город, Таша отправляется в любимый ресторан, заказывает кофе или чай со сладостями и обязательно шекербуру, утопая в её сахарно-ореховом вкусе. Потом долго гуляет по Торговой улице. И счастливая отправляется спать.

Птицы, видимо, тоже летят к счастью. Они что-то выкрикивают на лету, будто делясь своей радостью. Птицы смеются над людьми, которым предстоит мёрзнуть под серым небом. Люди не так свободны, как пернатые. Человек связан обязательствами и принципами, обручальными кольцами, контрактами, договорами, придуманными барьерами и миллиардом страхов. Страх потери и страх одиночества держат сильнее кандалов.

Таша набрала воздуха в грудь и проводила птиц взглядом.

ДЛЯ ТЕСТА:

Рецепт шекербуры

- 300 мл молока
- 1 яйцо
- 250 гр. топлёного масла (лучше домашнего)
- 3 ст. л. сметаны
- 1 ч. л. сухих дрожжей
- 1 ст. л. сахара
- 5 шт. кардамона (молотый)
- 850 гр. муки

ДЛЯ НАЧИНКИ:

- орехи грецкие – 500 гр.
- фундук – 250 гр.
- миндаль – 250 гр.
- сахар (мелкий) – 1 кг
- кардамон – 5 шт. (молотый)

Миндаль залить кипятком на 5 минут.

Откинуть на сито и очистить от кожицы.

Высушить миндаль в печке при 100 °С (не жарить), постоянно помешивая.

Фундук высушить (не жарить) около 10 минут в духовке при 100 °С.

Собрать ядра орехов в полотенце и покатаь по рабочей поверхности стола таким образом, чтобы очистить орехи от шелухи. Охладить.

Грецкие и охлаждённые орехи измельчить в блендере.

Орехи смешать с сахаром.

Растопленное сливочное масло взбить с яйцом и тёплым молоком, затем добавить дрожжи, сахар, кардамон, сметану.

Далее малыми порциями добавить просеянную муку. Вымешивать 15 минут. Тесто должно получиться гладким, слегка крутым, эластичным и не липнущим к рукам. Завернуть пищевой плёнкой, отложить на 20 мин. Тесто не должно подойти, иначе нанесённые узоры при выпекании исчезнут с поверхности шекербуры.

Тесто раскатать в жгут, нарезать на кусочки.

Сформировать небольшие шарики, размером шаров настольного тенниса.

Каждый шарик раскатать на маленькие кружочки 10x10 см и толщиной 1 см. Накрыть крышкой.

На кружочки положить по 1 ст. л. начинки, защипнуть края.

Края винтообразно закрутить.

На поверхность наносить различные узоры.

Выпекать при 160-180 °С

Готовность можно определить, приподняв её. Она должна быть крепкая, а снизу – слегка поджаристой. Важно не передержать в духовке, иначе шекербура будет сухая.

Шекербура обязательно должна остаться белой, она не должна быть золотистой.

ГРАНАТОВЫЙ СОК

*Я любил тебя больше, чем ангелов и самого,
и поэтому дальше теперь
от тебя, чем от них обоих.
«Ниоткуда с любовью», Иосиф Бродский.*

Глубокий цвет сока граната таит в себе трагичность. Словно пролитая кровь. Или закат в жаркий день. Сок льётся, дарит сладость, которую понять по силам только тем, кто прошёл нелёгкий и противоречивый путь. По одной из давних кавказских легенд жили на свете юноша и девушка. Они любили друг друга, и родители одобрили их выбор. Обручившись, молодые отправились к святому месту. Но не

понравилось это злomu духу, жившему неподалёку. Поднялся страшный ураган, который подхватил влюблённую пару и унёс далеко от родных мест. Оказались они в пустынном месте, где ни звериных троп, ни птичьих песен, ни трав, ни ручьёв многоголосых. Долго шли они, пытаясь найти дорогу к родному дому, но тщетно. Обессиленная девушка уснула, а юноша сомкнул веки и увидел то ли сон, то ли явь – предстал перед ним кто-то и говорит: «Вдвоём вам не спастись, убей её, и я выведу тебя из заколдованного места».

Но юноша решил, что, если выжить суждено одному из них, то пусть живёт любимая, пронзил он свою грудь кинжалом и, умирая, прошептал: «Будь счастлива, выходи замуж и роди много детей». Но юноша не умер, превратился он в гранатовое дерево. И как только девушка, рыдая, сорвала гранатовый плод, чары рассеялись, нашла она путь домой. Вышла замуж и родила много детей, как просил её любимый. И жила она долго, так долго, что дождалась праправнуков и всем наказала растить гранатовые деревья. Разошлись по свету её потомки, а с ними и гранаты.

Лет пять назад один дружественный журнал попросил Ташу написать историю женщины, судьба которой странным образом переплелась со страшным событием в стране. Женщина работала журналистом на федеральном телеканале и долго эту историю не раскрывала. Но годы сгладили страх осуждения, эмоции девушки просились наружу. Как-то на кухне в доверительной беседе она рассказала эту историю редактору журнала, и тот загорелся опубликовать её.

Таша тогда в свободное от основной работы время писала колонку женских историй, в которую попадали актрисы, певицы, женщины героических профессий и просто представительницы прекрасного пола, проявившие внутреннюю силу в трудных жизненных условиях. Рубрика называлась «Женские судьбы» и включала рассказы от первого лица, которые Таша писала на основе проведённого интервью. Интервью длилось семь часов. Пока писали, они с героиней плакали и смеялись,

выпили две бутылки вина и разошлись подругами. Это интервью было словно сеанс психоанализа. Таша вспомнила его, так как её любовь к Гоше нарастала, и она не всегда знала, как понимать чувства, жить с ними. Любовь к Гоше не только соединила в себе огромную симпатию, обожание маленького ребенка, но и стала проекцией чувств к Руслану. Чувств, которые давно пора отправить в архивы. Но они болезненно льются в её крови гранатовым соком надежды. Надежды на то, что когда-нибудь, в глубокой старости, она сможет сказать ему всё, что пережито внутри, что столько лет блуждало в её сознании воспоминаниями и миражами. Она перечитывала ту давнюю статью и узнавала в героине свои материнские чувства и понимала, что любовь настолько многогранна, что может жить вне времени, пространства, традиций, жизни и смерти.

Выпуск №34, журнал «ПРОЖЕКТОР», 21 сентября 2017 года

Вот бы крылья... Ничего не успеваю. Рука скользила по полке. Ключей нет. До начала спектакля остаётся чуть более получаса, и времени явно не хватает. Московские пробки в седьмом часу вечера грозят перечеркнуть все планы. Где же ключи? Я же точно помню: вбежала, положила их на полку и ушла в спальню переодеваться. Нервы на пределе. Если я не успею, Рустам на меня обидится. Я и так вижу ребёнка короткими вечерами, работа забирает всё жизненное время, все силы, все позитивные настроения, оставляя моему малышу усталый взгляд после тяжёлого эфирного дня. Мой мальчик, няня должна привести его к без пятнадцати семь. Где же ключи? Я рванула в спальню. Может, второпях я положила их в карман и уронила на ходу... Встав на колени, я заглянула под кровать. Вот они! Рядом с ключами валялось ещё что-то, блестящее, покрытое толстым слоем пыли. Нет, этого не может быть! Он же пропал ещё года четыре назад, когда я въезжала в эту квартиру. Маленький серебряный кулон, от которого до сих пор будто бы пахнет Каспийским морем, горячими лепёшками и жаркой пылью Махачкалы... Октябрь – а в руке кусочек далёкого лета.

Это было грустное лето, когда мысли не собирались в однозначные предложения, а чувства рассекались ломающими душу сомнениями. Мне было двадцать пять. Хороший возраст для здоровых амбиций, серьёзных романов и первых твёрдых шагов по жизни. А я потеряла равновесие. Линия судьбы снизила чёткость до пунктира, и я мучительно не знала, что делать дальше. Переживая развод с мужем, искала новую опору, плечо, на которое можно опереться, поплакаться. Казалось, что все вокруг ждут какой-то реакции, депрессии, слезливых исповедей. А мне хотелось уехать, подальше, надолго. Надолго – значит, хотя бы на несколько дней без эфира. На несколько дней без связи с теми, кто имеет отношение к повседневной жизни. Нужно было найти повод. Какой-нибудь абсолютно рабочий и невероятно важный. Я напросилась в командировку в Центр изучения антитеррористической журналистики. У меня на руках был спасительный билет в Махачкалу. В самолёте я тихо молилась, прося Господа помочь переключить мозг на время, дать прийти в себя. В то утро у меня впервые появилось ощущение, что в области лопаток пробиваются крылья. Я лечу, взлетаю со взлётной полосы в небо, где, будто от близости к богу, проще найти спасение. Облака, купающиеся в лучах солнца, жизнь с проблемами, отдаляющаяся при наборе высоты, и я, с крыльями. Грустная, уставшая, замученная, но с крыльями.

Вот бы крылья... Сейчас... В этих московских баллах загруженности. Руся, небось, уже стоит с Зоей Фёдоровной около театрального центра. А мне ещё ползти и ползти. Русечка, мой ангел. Тебя не было в то далёкое лето. Если бы ты был у меня, куда бы я не поехала. Хотя... Ты должен был появиться позднее... А в тот жаркий июнь откуда-то из космоса ты посылал мне крылья. Чтобы долететь до тебя...

Терпкий запах многодневной жаркой истомы, душная нега улиц, неряшливый облик города. Будто он никому не обязан быть чистым, ухоженным, благоустроенным. Он похож на старого аварца, встретившего мне в одном из многочисленных переулков. Я увидела его из окна

такси. Борода с сединами, чёрно-серая, будто запылившаяся, одежда, не имеющая формы. В прошлом, наверное, он был безумно красив, в его магически чёрных глазах светилась энергия силы и мощи, энергия глубины. Город был независимым, гостеприимным, но мысленно не принимающим чужаков. Гостиница, номер люкс. Место временной дислокации, зона моего морального отчуждения. Брошенные вещи и крылья за спиной. Я летела. Сняла туфли и босиком пошла по нежному песку. Вода в Каспийском море была приятно тёплой, ласкающей ноги. Прибегающие струйки воды щекотали пальцы.

– Почему вы гуляете одна? Это не совсем безопасно.

Я обернулась и увидела молодого человека. На вид ему было двадцать с небольшим.

– Я не боюсь, – мне внезапно стало очень хорошо и совсем не хотелось с кем-либо разговаривать.

– Ну и зря... Девушка. Одна. На берегу. Это не по нашим правилам.

– А что по вашим правилам? – я боролась с желанием съязвить.

– Начнём с того, что у нас не особо принято ходить в таких коротких платьях. Обычно так разгуливают приезжие и жёны военнослужащих. Мы не воспринимаем это как нонсенс. Но всё-таки лучше найти компанию...

– Мне не нужна компания. Я приехала сюда отдохнуть от людей, а не искать здесь новых, – я пыталась закончить разговор, а сама как замороженная смотрела на него.

Среднего роста, крепкий, с жгуче-чёрными волосами. И с будто нарисованными карандашом или яркими фломастерами неестественно-голубыми глазами. Он был невероятно красив. Притягательно красив. Легкомысленно, ветрено, необдуманно меня подкупил этот сапфировый взгляд. И я пропала. Оторвалась от земли, взмахнув своими вырастающими с каждой минутой крыльями. Я парила в эйфории предчувствия. Предчувствия неизбежности того, что останусь с ним в этот день. Расул оказался студентом, заканчивающим юрфак и истфак

одновременно. Вдыхая солёный морской воздух, мы быстро нашли общие темы.

– Дай мне свою руку.

– Ты что, хочешь мне погадать? – улыбнувшись, спросила я.

– Нет. Да я и не умею. Ну дай, – произнёс он почти шёпотом.

Я протянула руку. Он взял мою ладонь в свою. И я перестала бояться его. Совсем. Мне казалось, что я знаю его миллионы лет, сколько не живут. Если бы он мне тогда погадал, может быть, он бы всё предвидел. Неизбежность Каспия, необратимость будущего, невозможность желаемого.

Мы были совсем не похожи. Мы молились на разных языках, в наших венах текла разная кровь. Разная с точки зрения менталитета, традиций, культуры. Он был совершенно другим, непохожим на всех моих предыдущих мужчин. И от этого особенно интересен. В глубине души Расул ещё страдал юношеским максимализмом. Мы вдыхали послеобеденный воздух, наполненный умиротворением в преддверии вечера, мы рисовали пальцами на песке забавные рисунки. И крылья мои вырастали... Мы бродили по улицам, ели мороженое, шоколадное и клубничное, как сейчас помню. И я никуда не спешила. Там, в неразгаданном дагестанском городе, я никому и ничего не была должна. Именно к такому ощущению я сбегала из Москвы. Из равнодушной и расчётливой, из прогрессивной и запрограммированной Москвы. В Махачкале по-другому текло время. Я даже не смотрела на часы. И время в ответ на моё безразличие текло невероятно медленно. Расул показал мне мечеть. Монументальную, белую, восхищающую благородством, лаконичностью и размахом. На фоне чистейшего голубого неба она смотрелась нереально открыточно. Джума-мечеть – центральная мечеть Дагестанской Республики, построили её совсем недавно, в 1996 году. Расул поведал, что создано это творение по образу стамбульской Голубой мечети. Строение могло вместить семь тысяч человек. Кроме местных жителей, сюда приезжали сотни паломников совершить намаз. От мечети было трудно отвести взгляд. Сакральность, чужая и

притягательная, завораживала. У Расула было своё отношение к вере. Его вера в бога открыла для меня другую страну внутри моей страны.

– Мы отвоюем у вас Россию, – как-то между делом сказал Расул.

– Зачем? Зачем вам такая большая страна? Вам мало своей республики? – не придавая серьёзности, игриво сказала я.

– Мы не хотим, чтобы нами руководили федералы. Они не понимают нас. Они поощряют насилие со стороны правоохранительных органов. У нас ночью могут увести человека и не вернуть его никогда... Вы – русские – не понимаете нашей жизни. Вы не можете нами руководить.

– Расул... – я подбирала слова, – ты не прав. У нас же нет такого, как у вас. У нас не взрывают. Не крадут людей. Мне кажется, прости, это ваш воинствующий настрой виноват. И вообще... – я пыталась облегчить разговор и иронично произнесла, – что вы будете делать с такой территорией, будь она ваша?

– Мы будем руководить вами. И вы будете жить правильно.

– А в чём мы сейчас живём неправильно? – меня обидели слова Расула. Хотелось оправдаться. Непонятно только за что.

– У вас потерян институт семьи, у вас много что не так... В ВАШЕМ государстве нет целостности. У НАС есть Вера. Она главное. В семье, в политике, в мыслях. Мы живём по Корану всегда и везде. А Вы живёте каждый по своим правилам. Вы верите в бога, но, выйдя из церкви, совершаете грех на первых десяти метрах от божьего дома.

Я не хотела развивать эту тему. Политика, идеология – это не то, зачем я приехала посередине лета в жаркий Дагестан. Я посмотрела на Расула. Лучи закатного солнца освещали его лицо. Тонкие оранжевые лучики, проскальзывали сквозь ветки дерева, под которым мы сидели. Сияющие штрихи попадали на смуглое лицо Расула. Я не думала о вере в целом, я думала о боге, который подарил этому лицу такие глаза. Глаза моря, глаза неба. И что мне эта политика, непонятная, неоднозначная? Может быть, как журналист, я должна была грамотно оппонировать этим воинственным речам. А мне не хотелось. Совсем.

Абсолютно. Слова Расула понижали громкость, я практически перестала его слышать. Мои крылья будто шептали на ухо: «Лети!» И я полетела...

– Я устала. Мы столько ходили, что хочется прилечь. Я даже не вздремнула после перелёта. Ноги устали, – остановив размышления Расула, произнесла я.

– Где ты остановилась?

– В «Люксоре». Вполне симпатичный отель. Почему-то я ожидала худшего, – кокетничала я.

– Пойдём, я провожу тебя, – почти приказом, но с мужской нежностью сказал Расул.

Мы пошли к моей гостинице. Купили гранатовый сок. Прозрачной дымкой вечер опускался на Махачкалу. И с каждой минутой город становился всё более странным. Он обволакивался запахом моря. Вечернего тающего моря, отдающего небу часть себя. Испарения Каспия устанавливали власть над всем: над улицами и памятниками, над домами и машинами. Мы шли, взявшись за руки. Расул нарушал все традиции. А я просто была мечтательно независима. Независима от условностей. Его ладонь ласково обвивала мои пальцы. И в чужом городе я чувствовала себя почти своей. От Расула пахло свежестью горных цветов и утреннего бриза. И мне верилось, несмотря на физическую усталость, что дорога до гостиницы будет длиться вечность. В жизни каждой женщины встречаются разные мужчины. Но каждый появляется со своей миссией – обидеть, простить, научить, предать, сгладить одиночество, спасти, увести на край света... Честно, я не понимала на тот момент, зачем шла за руку с Расулом. А я не шла – я летела.

– Хочешь подняться? – удивляя мозг, произнесли губы.

Расул внимательно посмотрел. Будто считывал, будто просчитывал меня.

– Ты неправильно понял. У меня прекрасный балкон, можно попить чаю. Ну, в общем, я не настаиваю, – теперь я не знала, куда скрыть

неловкость. – Спасибо за прогулку.

– Да я ничего лишнего и не подумал. Что тебе скучать... Пошли.

Пока мы поднимались по лестнице, он разговаривал по мобильному. Судя по всему, звонил родителям. Сказал, что останется у друга. Надо помочь тому с машиной. Интересно, его правда ждал друг в тот вечер? В номере было жарко, я включила кондиционер. Позвонила на ресепшн, заказала чай и шоколад. Расул вышел на балкон. А я пыталась оперативно сложить в шкаф разбросанные по приезду вещи. Я останавливала любой анализ ситуации. Будь что будет. Мы за пару тысяч километров от Москвы. И не имеет значение, чем всё это закончится. Поговорим, чай попьём. В конце концов, здоровый ум всегда господствовал в моей голове. Но пусть он сегодня ограничится минимальными датчиками безопасности. В комнате растекался закат, огненным полотном прорываясь в распахнутую балконную дверь. Я вышла к Расулу.

– Скоро принесут чай. Пить ужасно хочется.

– Необычный вечер, правда? – Расул обернулся.

– Наверное. Знаешь, у Бродского есть строки о том, что с точки зрения воздуха край Земли всюду. А мне кажется, что он именно здесь.

Расул улыбнулся. Тепло и многозначительно. В этой улыбке было счастье и ностальгия, трепет и скромность, подтверждение того, что край не только Земли, но и всей Вселенной именно здесь. Я приблизилась к нему. Он взял мою руку и поднёс к губам. Он прикасался к ней губами, и это было сложно назвать поцелуями. Это похоже на прикосновение мотылька, лёгкое, еле заметное. Но заставляющее чувствовать только одну руку. Расул посмотрел на меня.

– Ты знаешь, что отношения мужчины и женщины в исламе сравнивают с взаимосвязью руки и глаза. Рука – это мужчина. Глаз – это женщина. Когда больно руке, плачет глаз. Когда плачет глаз, рука вытирает слезу.

– Красиво...

В дверь постучали. Прибыл долгожданный чай. Я расплатилась и

попросила отнести всё на небольшой столик на балконе. Вернулась к Расулу.

– Знаешь, эти твои слова странно звучат при условии, что у вас можно иметь до трёх жён.

– Сейчас это редкость. Чаще всего это оправдание для богатых и влиятельных мужчин, содержащих любовницу. А факт второй семьи для вас тоже не редкость.

– А ты женат? – бесцеремонно поинтересовалась я.

– Нет. Следующим летом, наверное, женят. Я как раз окончу институт. И родители подберут мне невесту. Меня женят непременно на аварке. У нас всё не так просто, как у вас.

– У нас тоже всё непросто... – отламывая шоколадку, перебила я.

– У нас надо сохранять чистоту до брака, – гордо и нравоучительно произнёс Расул.

– Ну, у нас в принципе тоже.

– Вот именно, что в принципе. И этому принципу чаще всего никто не следует.

А у нас... А у вас... Бесконечный спор. Расул не женат. Этот радовало. Чисто по-женски. Непонятно почему, но радовало. Моя совесть практически чиста. Я не проводила вечер с чужим мужчиной. И это преимущество. Постепенно становилось совсем темно. Зажгла ночники около кровати. И на балкон потянулся приглушённый свет из комнаты. Мы сидели и пили невероятно вкусный чай. Или он просто таким казался. Вдруг, услышав громкий сигнал автомобиля на улице, я вздрогнула от неожиданности, и кипяток из чашки болезненно выплеснулся на платье. Я взвизгнула и вскочила с кресла. Расул подбежал ко мне.

– У тебя ожог. Небольшой, но покраснение есть. Надо помазать маслом, – резюмировал он.

– Откуда у меня масло? – а ногу щипало на самом деле, боль нарастала. – Хотя подожди, у меня в сумке есть баночка с ароматическим маслом. Я его как духи использую. Может, поможет.

Я пошла в комнату. Нашла масло. Расул зашёл следом за мной.

Пока я пыталась открыть масло, он наклонился и поцеловал мою спину где-то между лопаток.

– Дай масло, – сказал он, – садись на кровать, я помажу.

Чтобы он помазал ожог на бедре, мне надо было слегка приподнять платье. Расул нежно наносил масло на зону ожога. Наперекор болезненным ощущениям, это был потрясающе.

– Больно?

– Если только немного, твои прикосновения лучше анестезии.

Расул поставил баночку с маслом на прикроватную тумбочку. И поцеловал мою ногу вокруг ожога. Поднялся и сел рядом. Его глаза. Господи, прости, я не смогла сдержаться, мне слишком хотелось его. Мои крылья – это не крылья ангела. Это крылья женщины. Грешной и безрассудной. Он провёл рукой по моему лицу, по губам.

– У тебя этого ведь не было? Скажи честно, – набравшись смелости, спросила я.

– Нет. Никогда. И я бы не стал... Но ты. Я хочу тебя. Очень, – его слова-обрывки отключали мой мозг, отрубали все предохранители, все запреты и расчёты.

И я сама дотронулась до его губ своими. Он подхватил этот порыв. Интуитивно, смело, по-мужски. Он прижал меня к себе, покрыл поцелуями шею. Расстегнул платье, и оно предательски соскользнуло вниз. Я чувствовала его каждой частичкой, каждым вздохом своего тела. Мои крылья порхали, и казалось, что нет другого пространства. Есть только он и я. Его сила. Невероятная сила. Временами мне казалось, что он задушит меня, мне не хватало воздуха. Но низ живота отзывался горячей волной, ритмичной пульсацией. И воздух был не нужен...

В соседней машине нервно курил работяга лет сорока. Глядя в прощрацию, он вытягивал успокоение из сигареты. Наверное, тоже опаздывает. Мне оставалось ехать около километра. Рустам замёрзнет. У моего первоклассника под курткой тонкая рубашка. Зоя Фёдоровна, конечно, ругает про себя никудышную мать, которая, как всегда, не

приезжает вовремя – не только домой, но даже на спектакль. «Полёт ангела» – модный семейный мюзикл. И я давно мечтала сходить на него с Русей. И Рустамчик ждал этого вечера. Но давайте же, двигайтесь. Уже зелёный. Около театрального центра я их не увидела. Припарковала машину, забежала внутрь. Вот же, мои дорогие. Догадались, молодцы.

– Мам, нас пропустили. Даже без билетов. Мы замёрзли и сказали дяде на входе, что ты обязательно приедешь, – Рустам пытался обстоятельно ввести меня в ситуацию.

– Какой же ты у меня умный, – я чмокнула Русю. – Зоя Фёдоровна, спасибо, что дождалась. Пробки, сами понимаете, – я забрала вещи у няни и отпустила замученную ожиданием Зою Фёдоровну домой. Мы сдали вещи в гардероб и в предвкушении приятного просмотра заняли свои места в зрительном зале.

Моё первое утро в Махачкале пахло счастьем. Точнее, я теперь знаю, чем пахнет счастье. Кофе и лепёшками. Когда я открыла глаза, Расул уже успел всё заказать, и в номере от кофейного аромата было по-домашнему уютно. Кинематографично. Так не бывает. Или мне только казалась, что гордый аварец на это не способен. Я завернулась в тонкое летнее одеяло и присела в кровати.

– Как ты догадался, что я люблю кофе? – спросила я у Расула, направляющегося ко мне с чашкой эспрессо.

– А что ещё может любить московская журналистка? Вы же там в своей Москве без этого допинга не живёте, – он передал мне чашку. – Осторожно, а то снова обожжёшься.

– Ничего, мне понравилось лечение, – я улыбнулась.

Расул смотрел, как я пью кофе. Так смотрят на произведения искусства, на маленьких детей, на чудо света. А он смотрел так на меня, с восхищением, с умилением, с желанием сохранять и оберегать. Его сапфировые глаза скользили по мне. Раздевая. Допив кофе, я пошла к столику с лепёшками, придерживая спадающее одеяло руками. Встала рядом с

сидящим Расулом и откусила лепёшку из его рук. Опрометчиво хотела поправить его волосы, и одеяло упало, оставив меня стыдливо обнажённой. Расул поцеловал мой живот. Потом взял на руки и отнёс обратно в кровать. Так продолжилось самое лучшее утро в моей жизни...

– Мам, скоро начнётся? – Рустам нетерпеливо прыгал на кресле.

Словно отвечая на вопрос сына, зазвучала музыка – торжественные высокие ноты. Открылся занавес, на сцену выпорхнуло малышей тридцать в воздушных костюмах ангелочков, чистых, невинных. Они закружились в танце, Рустам внимательно смотрел на актёров. Их крылья были сделаны из невесомых белых перьев. Временами казалось, что они почти летают.

Мы только после обеда решили покинуть уютное ложе. Город, гудящий многочисленными звуками бурлящей жизни, вытащил нас на улицу. Было очень жарко. Я плохо переношу жару, мне сразу стало не по себе. От духоты кружилась голова, ноги, вышагивающие на изящных шпильках, быстро устали.

– Пойдём, ещё немного. Потерпи чуть-чуть. Я хочу показать тебе одно место, – настаивал Расул.

– Я надеюсь, это того стоит, – с надеждой ответила я.

Расул поцеловал мой нагретый солнцем лоб. Его губы отдавали прохладой. Стало легче. По блуждающим закоулкам мы вышли к двухэтажному зданию, на первом этаже которого, судя по вывеске, располагалась ювелирная мастерская. Молодой человек что-то внимательно паял на небольшом столике, освещённом лампой. Юношу звали Шамилем, он был известным мастером по серебру. Одним из лучших в своей республике. Он учился с Расулом в одной группе на юрфаке, а в свободное время создавал ювелирные шедевры. По-другому его творения не назовёшь. Цветы, вензеля, замысловатые геометрические комбинации. Чтобы создать подобное, нужно иметь идеальное зрение и талант Левши. Я рассматривала работы Шамиля, пока Расул о чём-то

беседовал с ювелиром.

– Катя, у тебя есть мечта? – Расул прервал созерцание прекрасного.

– Не поняла... – не успела я сориентироваться.

– Ты мечтаешь о чём-нибудь?

– Да, я хочу летать. Над землёй, над морями. Над всеми красотами мира, – не отвлекаясь от серебряных фигурок, сказала я.

Мысли, наконец, догнали слова, и я начала понимать, о чём говорю. Глупость какая! Это, наверное, солнечный удар, я несу бред. Впрочем, последние два дня я действительно чувствовала нечто инородное за спиной, желающее подвигать потоки воздуха и оторвать меня от земли. Но зачем я произношу это вслух?

– Всё решено, я придумал, – Расул наклонился и шёпотом стал что-то объяснять Шамилю. Ювелир внимательно слушал. Я наблюдала за ними. Стены комнаты были прохладными, я наклонила голову к стенке и провалилась в негу сна. Спустившаяся с небес фата-моргана унесла меня в другой мир. Мне снилась удивительная природа. Огромное голубое озеро, окружённое деревьями с неоново-зелёными листочками, с прозрачной голубой водой. В воде плескались чудные рыбы. Их было бесконечно много. Они были разные ярких оттенков и больше походили на обитателей морских глубин. А в этом озере они создавали ощущение фантастичности происходящего. Я сидела на берегу и глядявалась в них. Одна маленькая красная рыбка вдруг, резко вынырнув из воды, долетела до меня и чмокнула в губы. Я открыла глаза. Надо мной склонился Расул.

– Ты уснула, родная, – констатировал он, – поехали к морю.

На автобусе мы доехали к берегу Каспия. Вдалеке виднелись горные вершины. Мы расположились на песке, я положила голову на плечо.

– Здесь потрясающий вид. Край... Край света точно в Махачкале, – я подняла глаза на Расула.

– Я хотел показать тебе этот берег, здесь граница настоящего и будущего. Вода забирает плохое и обновляет. Я прихожу сюда, когда скверно на душе.

– Знаешь, ещё пару дней назад мне было ужасно. А сейчас так хорошо,

что сложно описать, – я смотрела вдаль уходящего за горизонт моря.

– Мне тоже хорошо с тобой. Если когда-нибудь в старости меня спросят, встречал ли я идеальную женщину, я отвечу, что да. Её звали Катей, – он дотронулся губами до моих губ.

– Какая же я идеальная? Я самая обыкновенная, – я поцеловала его, закрыв на миг глаза.

Расул отвлёкся, полез в карман и достал маленький мешочек, из которого на ладонь выскользнул крошечный серебряный кулон. Это были два крылышка, спаянные между собой.

– Летай и никогда не бойся. Я обещаю тебе, что в твоей жизни всё будет хорошо. Во всяком случае, мне искренне хочется, чтобы ты была счастлива, как никто. Никогда не забывай, что крылья есть у каждого. Это крылья от бога. Надо уметь ими пользоваться, надо вовремя вспоминать о них, надо просто не терять равновесие в разных жизненных ситуациях. Лети в поисках своего счастья.

– Я улечу завтра. Самолёт в восемь утра... – я выдержала паузу. – Я не хочу улетать. Я хочу здесь остаться. С тобой.

– Это невозможно. Ты не сможешь здесь жить. И я, прости, не пойду против воли родителей. Мне тоже невероятно больно отпустить тебя. Но пойми, у нас нет будущего. Никакого. У каждого своя дорога. Эти дороги как параллельные линии, которые никогда не встретятся. И это к лучшему. Ты со временем поймёшь, что к лучшему.

Спектакль явно нравился Рустаму. Он даже не смотрел в мою сторону. Неожиданно отключилась музыка, на секунды погас свет. Потом резко включился. На сцене появились люди в странных чёрных масках. Я ничего не понимала. Это что, часть сценария? Фантасмагоричные фантазии режиссёра? Всем было велено оставаться на местах. И отключить мобильные телефоны. Холодная дрожь пробежала по спине и ударила болью в затылочную часть головы. Я впервые в жизни почувствовала запах смертельной опасности. Перепутье жизни и смерти. Что делать? Хочется непременно что-то делать. Зал

заполнялся людьми в чёрных одеждах с оружием. Это сон, кошмарный сон. Надо ущипнуть себя и всё закончится. Всклипы, ужас... Тихий страх, который несравним с громкими эмоциями. Всё как в замедленном кино.

Та последняя ночь была невыносима. В комнате было холодно от кондиционера, или меня била дрожь. Он прижимал меня к себе. Каждое движение Расула было снайперски выверенным, каждое прикосновение мануально, точно грамотным. Физическое наслаждение и боль внутри, в районе груди. Там выла душа. Душа, которая без него не хотела жить. Я до сих пор не знаю, что такое любовь. Но я помню, что бывают крылья, незримые крылья, на которых взлетаешь выше самолётов и ракет, выше звёзд и луны. Я хваталась за него, я приклеивалась к нему своим телом. Верила, может, утром он всё изменит, и я останусь. Из глаз не к месту падали слёзы, огромными каплями. Слёзы текли по губам, и солёными поцелуями я покрывала Расула. Он шептал всё, что можно шептать в любовном сумасшествии, в этом потоке влюблённой экзистенции, в этом последнем аккорде отношений.

Я посмотрела на Рустама. Господи, только бы он ничего понял. Пусть он думает, что так и нужно. Что это такая необычная постановка. Руся внимательно ждал моей реакции. По-детски открыто и пристально глядя в глаза. У меня, словно на морозе, дрожали руки. Хотелось встать и убежать. Может, никто не заметит, нас же тут много. Несколько человек в зале так и сделали. Вскочили и попытались выбежать. Их жестоко схватили в ответ и бросили на кресла. Все ещё были в состоянии заторможенности, лёгкого аффекта и не понимали до конца сути событий. Это захват заложников. Я, исследовавшая не раз эту тему как никто другой, всё уже поняла, собирала кусочки паззла и не видела выхода. От нас уже ничего, абсолютно ничего не зависит. Остаётся только молиться. И губы зашептали «Отче наш», за-

ученно, на автопилоте. Я схватила маленькую ручку Рустама. И поняла, что кроме как выжить, вопреки и несмотря, ничего не хочу. Жизнь превратилась в одну линию-лезвие, по которой сквозь боль и страх надо было идти.

Утром я собирала вещи, умышленно замедляя процесс. Смотрела на Расула, он отвернулся к окну и делал вид, что думает о своём. Это было раннее утро, с балкона долетала лёгкая прохлада.

– Увижу ли я тебя когда-нибудь? – вопросом в воздух произнесла я.

– Если будем живыми...

– Что за глупости ты говоришь? Конечно же, мы будем жить, мы такие молодые, у нас ещё всё впереди, мы ещё многое можем...

– Никто не знает, сколько мы проживём, – Расул остановил мои надежды. – Я люблю тебя, – он подошёл ко мне и стал целовать. Его дыхание притягивало к себе, в нём было столько живого, что о смерти не хотелось думать. Это был мой родной человек, как никто чувствующий, как никто понимающий – единственный, с кем хотелось стареть, кто умел сопереживать, внимать, которому я бесконечно верила... Я обняла Расула. Уткнулась носом в плечо:

– Поехали в аэропорт, мне уже пора.

Уходя на посадку, я не оглянулась. Боялась, что не выдержку. Ватными ногами я считала шаги. Один, два, три, четыре... В Махачкале оставалась душа, на груди висели серебряные крылья. И я улетела... Забыв даже зайти в центр журналистики. Простят, наверное.

Час за часом зал молчал. В гробовой тишине слышались только шаги террористов. Переговоры с силовиками шли неторопливо. Или нет – они просто шли неправильно. Это вызов. И у него нет цели. А политики, депутаты и даже артисты, столпившиеся у театрального центра, пытались найти компромисс. Какой компромисс..? Захватчикам нужно слишком много. И вы им никогда это не дадите. Рустам видел жестокость, осознавал, что это уже не спектакль. Чёрное

окружение зала давило на психику. Сон. Это сон. Всё закончится. Руся, милый, потерпи, мы выживем. Не бойся. Господи, прости меня за всё. Прости. Пожалей, помилуй, сохрани.

– Мам, дай попить.

Если я полезу в сумку, они увидят. И неизвестно что подумают.

– Руся, потерпи, – шепнула я.

– Я очень пить хочу. Пожалуйста. Ну дай.

Я попыталась выдернуть бутылку с минералкой из сумки. К нам подлетели двое.

– Положите сумку, если жить хотите, – металлическим голосом на русском с лёгким акцентом предупредил меня один.

Я машинально отложила сумку. Второй смотрел на меня пристально. И от этого в висках запульсировала кровь. Господи, помоги. Я буду лучше, стану лучше. Сделай же что-нибудь. А мужчина в чёрной куртке и пугающей маске продолжал пристально смотреть. Тот, кто велел мне бросить сумку, тоже не понимал, почему второй так на меня смотрит. Он поочередно переводил взгляд с меня на Рустама и снова на меня. Только не сына. Оставьте нас. Я послала мысленные сигналы. Я не могу смотреть на этого человека, глаза скользят и не фиксируются. Вдруг убьёт, не будет заморачиваться, что да как, и выстрелит. Я набираю воздуха и смотрю ему в глаза. Пусть прочитает то, что я думаю. Уже всё равно, надо защищаться, а других способов нет. И наши взгляды сцепляются, связываются, я не отпускаю, он держит. В них нет агрессии, которую я ждала. В них нет злости. Я думала, у него будут чёрные агатовые глаза тьмы, неизбежности, необратимости. Но... Нет, этого быть не может. Я импульсивно закрыла свои глаза и открыла их снова. Это те самые глаза, в которые я смотрела на каспийском берегу, это те глаза, которые сняты призраками прошлого.

Он повернулся к рядом стоящему.

– Это женщина – представитель международной общественной организации. Я знаю её. Её и сына надо выпустить.

В зал как раз вошёл переговорщик, народный артист, с которым террористы согласились разговаривать. Удобная возможность. Нас коридором вывели из здания. Первых. Это счастье. Оцепление, скорые, страх, обогнувший театральный центр, – мелькали кадры вокруг, мы с сыном сели в машину. К нам подошли представители спецслужб, стали спрашивать. О количестве, месторасположении и прочем. Я машинально отвечала. «Вы родились в рубашке», – говорил чей-то голос. Я полезла в карман за телефоном. Надо позвонить маме, сказать, что мы живы. Вместе с телефоном выпал кулон, моя сегодняшняя находка. Крылья. Я снова улетела... В этот раз от смерти. То, что я видела дальше, было триллером с экранов телевизора. Службы новостей раздирали душу подробностями. Я отвезла Русю к маме, а сама сидела около телевизора и смотрела. Смотрела и выла в голос. Выла не от того, что могла умереть, не от того, что моя жизнь и жизнь сына могли закончиться как жизни десятков оставшихся в зрительном зале и не выживших после освобождения. Я выла от слов корреспондента, который сказал, что никто из террористов не выжил. Никто. Их ненавидели. Они умерли, убиты, взорваны. Какая разница. Они враги. Враги миллионов. Убийцы, которые могли убить моего сына. Операция по освобождению, спорное использование газа. Свечи у театра, плачущие жёны и матери...

Я неделю лежала на диване, почти не ела, не могла прийти в себя. Я ненавидела весь мир вокруг, я его не понимала. Ястребы войны снова побеждали голубей мира. Кому-то снова нужно перекроить полотно земного шара, забрать себе нефтяные скважины... Я не знаю, что и кому нужно. А самое важное, я не могла понять, как он мог там быть... И его больше нет. Нет в числе живых. Я знаю, никого в живых не оставили. Тошнота подступала к горлу. От голода, от стресса, от отчаянья.

В то лето, семь лет назад, у меня был тяжёлый август. Работать не могла, мучил токсикоз. Невыносимый. Я садилась на эфир и не могла его вести, волна подступала к горлу. И приходилось прерывать про-

цесс. Рустам противился моему бешеному ритму и изнутри предлагал немного отдохнуть. Но я работала без передышки, иначе сошла бы с ума. Невыносимо хотелось обратно в Махачкалу.

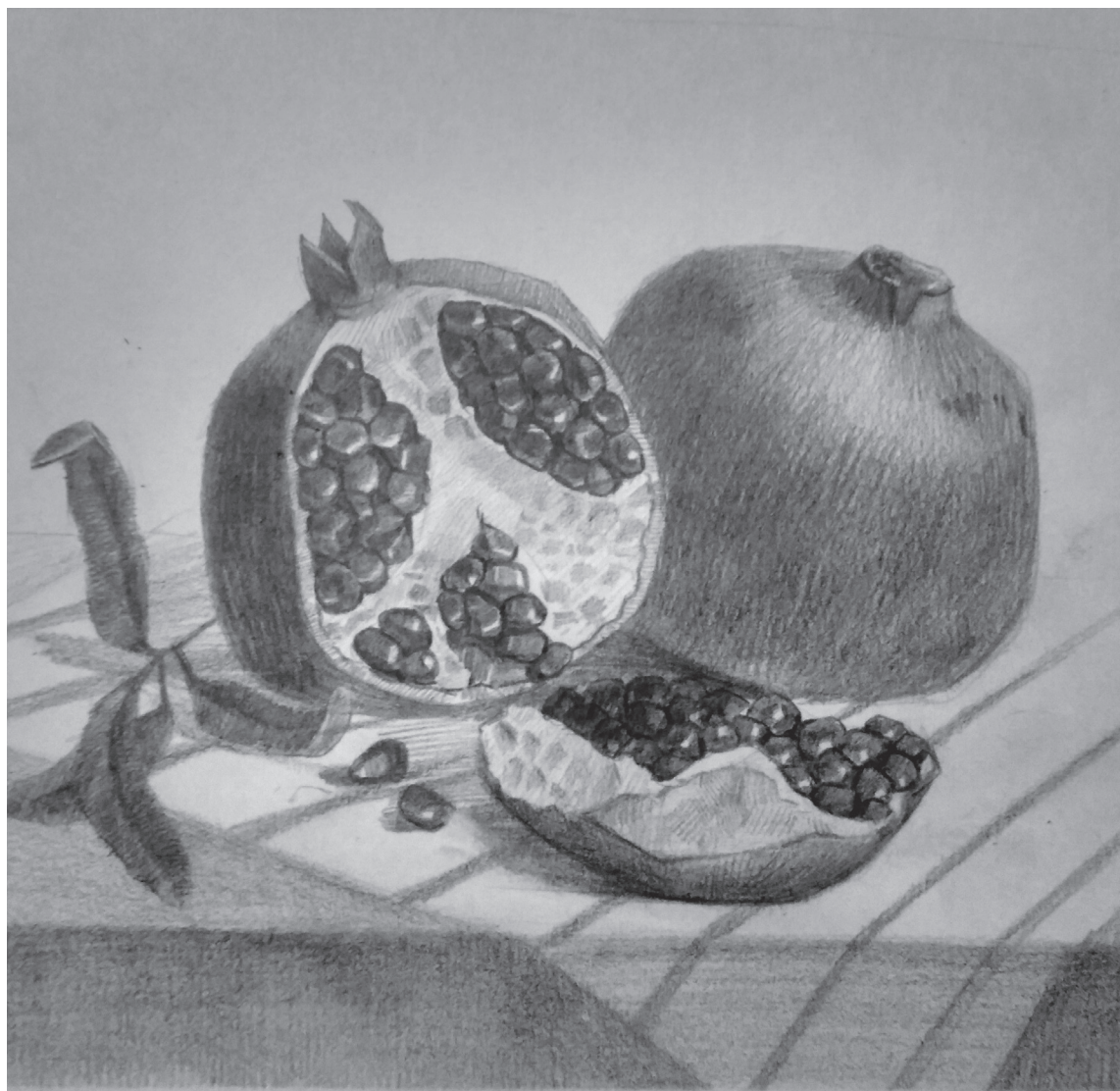
На весенние каникулы мы с Русей бросили Москву. Два часа перелёта.

– Поехали к морю, – сказала я, распаковав чемоданы.

И мы с Русей поехали туда, где море встречается с горами, где линия горизонта особенно чёткая, где встречаются два пространства – прошлое и будущее. Я сняла с шеи кулон и надела крылья на сына. В его ярко-голубых глазах отражалось безоблачное лазурное дагестанское небо. Расул, если ты меня слышишь...

*Знаешь, мы молимся на разных языках,
И что случилось с нами – неизбежность,
У Каспия манящая бережность,
Меня – Иисус, тебя хранит Аллах.
Мы молимся на разных языках...
Но за тебя молиться снова буду
Своей молитвой, знаю я покуда...
Любовь от бога – одна на небесах.
На небесах, в которых ты.
На небесах, в которых буду я.
Жди, я прилечу.*

РЕЦЕПТ *гранатового сока*

ИНГРЕДИЕНТЫ:

гранаты 1 кг

вода 250 мл

сахарный песок по вкусу

Первое, что нужно сделать, хорошо помыть гранаты под водой.

После этого выложить чистые гранаты на доску для разделки (плоды сушить не надо).

Затем разрезать их на две половинки, опустить их в глубокую ёмкость с водой и чистыми руками в воде аккуратно доставать зернышки граната из оболочки. Необходимо также очистить зерна таким же образом от белой плёнки-мембраны.

Семена стоит размельчить, но делать это нужно не вручную, а с помощью блендера.

Внимание: недопустимо слишком долго измельчать зёрна, достаточно нескольких секунд, иначе сок не будет насыщенным. Измельчённые зёрна нужно процедить через сито, чтобы избавиться от слишком твёрдых частичек косточек.

Следующий этап – добавление сахарного песка, потому что гранат сам по себе очень кислый (сахар добавляем по вкусу, но оптимальный вариант – это стакан сахара на 4 стакана концентрированного сока).

Всё это перемешать и добавить воду (на один гранат нужно 250 мл воды). Опять всё перемешать и довести до кипения. Но не кипятить, разлить сок по банкам и закрыть.

ДОЛМА

Карандаш плавно скользил по бумаге, постепенно вырисовывались узнаваемые черты. Красивые миндалевидные глаза мужа ей особенно удавались. В детстве преподаватель в художественной школе говорил:

– Лейла, чувствуй линию. Линия – это твой творческий голос. Твоя рука, твои рисунки – продолжение тебя. Не столько важны каноны и правила, сколько искренность. Бумага не принимает наигранность. Говори с ней честно.

Пока дети спят дневным послеобеденным сном, есть пара часов на любимое занятие. Рисунки всегда отвлекают от грустных мыслей. В последнее время ей всё чаще хочется к родителям. Домой, в родной Баку. Здесь, в Дивгороде, тихо, спокойно, по-своему уютно. Но очень одиноко. Муж всегда на работе, в поездках, командировках. Знакомых, а друзей тем более, совсем мало. Здешние подруги, оказавшиеся в Дивгороде также волею рабочих вопросов супругов, поддерживающие общение через диаспору, редко выбирают из своих домов. Дом и дети засасывают. А Лейле мечтается рисовать, ходить на выставки,

изучать новые техники. Но в маленьком городке на западе Украины это трудно сделать. Тем более когда на тебе хозяйство, готовка, двое мальчишек, две овчарки. А тебе всего лишь двадцать два.

Взять бы мольберт и поехать рисовать замки. Или удивительную природу Закарпатья. Дивгород – небольшой районный центр. Но природа вокруг величественна. Закарпатье – прекрасный край, смешавший разные культуры и традиции. Дух богатой истории, высокие горы и похоее на кавказское гостеприимство. Приехав первый раз сюда, Лейла даже представить не могла, что в таком маленьком городке может быть столько достопримечательностей. Старинный замок, многочисленные музеи, ботанический сад и даже своя набережная. Город в разные времена был под властью Чехословакии и Венгрии. И это наложило отпечаток. Дивгород хорош в любое время года. Весной, к примеру, здесь можно посмотреть на цветение сакуры. Местность вокруг полна замками – Дивгородский, Невицкий, Мукачевский. И каждый Лейла мечтает нарисовать. Но на это нужно время, много времени, которого у молодой мамы-домохозяйки пока совсем нет. Лейлу поразило замок Поланок в Мукачево. Он стоит на холме, это делает его вид ещё более головокружительным. А самая высокая гора украинских Карпат – Говерла... Если подняться на гору при солнечной погоде, можно увидеть как на ладони Ивано-Франковск и Коломыю с северной стороны, на юге – румынский Сыгит и Поп Иван, с запада заметен Петрос, а на юго-востоке простираются вершины Черногоры. Как художника Лейлу не оставляет равнодушной долина Нарциссов. Она находится недалеко от Хуста. Таких мест в природе мало, подобные сохранились в Альпах, горных районах Румынии и в некоторых Балканских странах, но они меньше по площади. В прошлом году в начале мая они семьёй поехали туда на прогулку. Нарциссы только начинали цвести. Обычно они цветут в середине мая, но весна тогда была тёплая, и цветы решили подарить красоту миру раньше назначенного срока. Какие краски вытирает матушка-природа! Закарпатье лучится и светится! Например, озеро Синевир, окружённое горами и лесом, настолько чистое, что

можно увидеть дно. Бытует примета, что, если мужчина и женщина познакомились на озере, их ждёт большая и крепкая любовь.

Они с мужем познакомились без излишней романтики. Ей только исполнилось восемнадцать. Папа сказал, что нашёл хорошего жениха и скоро познакомит его с дочерью. Его давний друг, живущий в пригороде, порекомендовал своего сына, можно сказать, посватался. Азербайджан, конечно, осовременился, но многие традиции остались. Они, впрочем, претерпели метаморфозы, ведь мир вокруг полон новшеств, и невозможно оставаться верными тому, что было заложено сто лет назад. Однако суть оставалась неизменной, у всех важных событий были традиционные корни. Ритуалы, связанные с семейной жизнью, с бракосочетанием, – особенные. Да, бабушкам и прабабушкам было сложнее. Традиции были жёстче, и женщинам приходилось непросто. Брак в старину считался не только союзом между мужчиной и женщиной, а родством семей. Невесту для сына выбирали родители. Иногда это было ещё в младенчестве. К обряду гобек-кесди прибегали в основном близкие друг другу семьи. Случалось, что родители выбирали невесту и показывали её сыну на фотографии. Тот следил за будущей женой издали и порою знакомился с ней лично уже на свадьбе. Иногда и юноша сам выбирал понравившуюся девушку. Тогда он говорил об этом родителям. И те приступали к последующим этапам предложения. Для знакомства в дом невесты приходили родители жениха с близкими родственниками, до этого всё подробно узнав о невесте. Обычно заранее всё расспрашивали женщины из рода жениха. «Гыз герме» – смотрины. «Гыз бейенме» – одобрение. Если женщины одобряли, подключались мужчины. Сватовство – «эльчилик»: самый старший и уважаемый из мужчин затевал разговор и, выбрав момент, оповещал о цели. Самой девушки в это момент в доме не было. Её обычно уводили и приводили обратно только когда уйдут сваты. Ещё народ усложнял процесс особыми приметами. Например, нельзя свататься в сумерках или пить во время сватовства первый поданный чай. Да, кстати, родители не-

весты могли долго думать, специально набивая цену. Такой обряд, как «башлыг» к нашему времени изжил себя. «Башлыг» в переводе означает «за голову». Это определённая сумма, которая выделяется родителями жениха родителям невесты за дочь. В советские времена взимание башлыга законодательно запретили.

Лейла всегда была скромной девушкой. И отец взял инициативу в свои руки. Конечно, мнение дочери тоже учитывалось, никто не собирався насильно выдавать её замуж. Будущий муж приехал накануне Нового года, позвал её прогуляться по парку.

– Чем увлекаешься? – спросил он, улыбаясь и пытаясь разрядить обстановку.

– Я рисую. Учусь в художественном училище. Хочу стать художником-декоратором.

– А меня сможешь нарисовать? – он пристально посмотрел Лейле в глаза.

– Запросто, – дерзко ответила Лейла. Она его несколько не боялась. Руслан был старше её на десять лет и казался ей весьма взрослым мужчиной. Но воспитанная в любви и покое Лейла была хоть и скромной, но открытой девочкой.

В тот раз она впервые нарисовала Руслана. Благо с собой были и блокнот, и карандаш. Как могла, немного схематично, но ему понравилось. Пока она рисовала на листке портрет будущего мужа, он её, не стесняясь, рассматривал. Хрупкая, нежная, миловидная Лейла однозначно ему приглянулась. Для роли жены она подходила как нельзя лучше. Умеет готовить, любит детей. За рисунком она поведала ему об этом, сказала, что хочет троих – двоих сыновей и дочь. Он расплылся в улыбке, слыша эти мечты. И ещё больше утверждался в своём выборе.

У Лейлы был чудесный пример. Её семья. Мама и папа, которых тоже познакомили их родители, прожили тридцать с лишним лет совместной жизни. Было всякое, но она точно знала, что они любят, доводят, слышат, оберегают. Друг друга и пятерых родившихся детей.

Лейла была единственной дочерью, папиной дочкой, маминой опорой. Отец осознанно хотел выдать её замуж достаточно рано. Руслан был подходящей партией. Молодой предприниматель, из знакомой семьи, успешный, гордый, обеспеченный. Квартира, машина, собственный офис. Чем не жених?

Сыграли свадьбу, поселились в квартире Руслана. Всё было очень хорошо. До рождения первого сына. Девять месяцев гармонии и заботы. Первенца муж ждал, немедленно откликаясь на каждый каприз жены. Первое время они с мужем неизбежно притирались. Учились понимать, угождать, даже молчать в нужное время. Страсть была вовсе не книжной, поскольку Лейле не хватало смелости стать такой раскрепощённой, как хотелось бы Руслану. Ещё беременность, мысли о ребёнке... Руслану не доставало внимания. Внимания страстно влюблённой женщины, готовой прожить каждый день как последний. Когда Омару исполнилось два, Руслан стал отдаляться. Уезжать в длительные командировки. Уходить ночами в кабинет и пропадать там. Лейла понимала, что этот холодный ветер дует не беспричинно.

– Он меня не любит, – заявила тогда Лейла матери. – Он не хочет со мной общаться. Целыми днями я одна с маленьким ребёнком. А он встречается с друзьями, летает на завод в Турцию. Мне кажется, он меня избегает.

– Успокойся. Ты не права, – сдержанно отвечала мама. – Руслан думает о тебе и ребёнке. Много трудится, чтобы содержать вас. Вы ни в чем не нуждаетесь. У ребёнка лучшие вещи, игрушки. Дай мужчине свободы. Не держи его в клетке.

– В этой свободе он по всей видимости встречается с другими женщинами, – Лейла шмыгнула носом.

– Прекрати истерику. Тебе нельзя переживать – молоко пропадёт! Будь умнее, встречай его по-особенному, корми вкуснее, не нервируй замечаниями и вопросами, где он и с кем.

– Я так больше не могу. Последние восемь месяцев он не притраги-

вається ко мне. Понимаю, что у него много работы. Но я? Я? Неужели он не хочет обнять меня? – слезы полились рекой.

– Выпей воды, – мама поднесла стакан.

Вся горечь, накопленная молчанием, вылилась в один поток – слов, эмоций, жалости к себе. Ей хотелось выговориться, рассказать всё родному человеку. Как тяжело, как тягостно в этой недоговоренности, тишине, молчании, за которым скрыто больше, чем просто напряжённость трудовых будней Руслана.

– Я встаю с утра и не знаю, что сделать, как повернуться, чтобы он обратил на меня внимание. А он, отпивая кофе, смотрит в телефон. Как замороженный. Когда Омар плачет, он сразу идёт к нему, говорит с сыном. А меня будто нет. Я нужна только для кормления малыша, готовки, стирки... – Лейла хотела продолжить. Но мать остановила:

– Ты никогда не спрашивала, как мне жилось с твоим отцом...

– Вы всегда жили счастливо, – перебила Лейла.

– Когда у тебя пять детей, общий дом, заботы и проблемы, понимаешь, что бежать некуда. Остается только беречь чувства, подогрывать их. А не уходить при первой неудаче.

– Да, именно, я хочу сбежать. Я мечтаю забрать Омара и вернуться к вам. Здесь тепло, хорошо. Здесь дом. Мне кажется, что мой дом только здесь. Квартира Руслана не стала родной. Мне грустно там. Заберите меня.

– Дочь, ты жена своего мужа. Лейла, ты наш самый дорогой с отцом цветок. И мы больше всего на свете хотим, чтобы ты не знала отчаянья и горя.

– Я живу в отчаяньи, в слезах и тихом горе. Как ты не понимаешь..?

– Это депрессия домохозяйки. Тебе всё кажется. Руслан работает. Ты растишь ребенка. Он тебя не бьет, не обзывает. Лейла, ты вышла замуж. Раз и навсегда. Пытайся найти общий язык. Стань такой женой, чтобы о любовницах он даже думать не мог.

Как она может стать такой незаменимой? Что ей нужно сделать

ещё? Она молодая, красивая. Чёрные волосы шёлком распускаются по плечам, длинные ноги, осиная талия, пышная грудь, ангельский взгляд. Когда она гуляет с малышом, видит, как на неё смотрят мужчины. Даже беременность не испортила её фигуру. Да, она не умеет гордо отстаивать свою точку зрения, специально включать сексуальность. Она естественная и настоящая. И не собирается меняться. Если ему нужна другая женщина, пусть уходит. Но... Как она это переживёт?

Лейла ехала из родительского дома в квартиру потухшей и задумчивой. Вечер в Баку выглядел праздничным. Море огней, нарядные витрины, широкие улицы с сотнями фонарей. Гуляющие пары с детьми. В завершении дня бакинские улицы наполняются семьями. Лейла завидовала этой идиллии. Её собственная семья трещала по швам, а она не знала, как её спасти. Она не могла всё рассказать маме, был бы скандал. Мать передала бы отцу, тот приехал бы к Руслану. Ей нужен был любой, хотя бы худой мир. Жалость к Омару и любовь к Руслану перевешивали жажду мести и защиты, чувства собственного достоинства. Она прекрасно знает, что месяц назад он не был на производстве в Бурсе, он спокойно жил в Баку в другой квартире с русской девушкой. Яркой, эффектной. Она их видела. Лейла выехала тогда с Омаром пройтись по Торговой улице. Руслан специально не ходил один с ней. Он всегда брал с собой друга. Так снимались подозрения. Когда он якобы вернулся из Бурсы, Лейла спокойно, покормив его долмой, спросила:

– Руслан, кто она?

– В смысле? Ты про кого? – удивлённо спросил Руслан, дожёвывая виноградный лист.

– Про того, с кем ты мне изменяешь.

– Ты совсем с ума сошла, – перешел он в наступление.

– Я не сошла с ума, но могу собрать чемоданы и уйти. Отец примет меня, узнав, что ты неверен.

– Что ты себе придумала? Я работаю без выходных по четырнадцать часов, сплю на заводе. А ты смеешь меня упрекать.

– Я видела вас, – Лейла говорила на одной волне спокойствия. Она хочет докопаться до истины и будет настаивать до последнего.

Руслан не признавался. Будто он прочитал миллион книг по изменам, в которых умные психологи говорят о том, что признаваться нельзя, нужно отнекиваться, отказываться от горькой правды, иначе женщина всё равно всю жизнь будет это вспоминать, даже если останетесь вместе, и она вроде бы вас простит. Лейла тогда даже поверила, что это девушка Анара.

Когда Лейлу переполняли эмоции, она всегда начинала готовить долму, потому что это любимое блюдо Руслана. Он ел её, причмокивая, с удовольствием, радовав тем самым жену. Её папа шутил: «Если кавказский плов – это «шах» всех блюд, то долма – первая и самая красивая жена шаха!» Кстати, до сих пор не утихают споры о том, кто же первым его придумал. Азербайджанцы утверждают, что «долма» имеет тюркское происхождение и произошло от слова «ДОЛдурМАк», что в переводе значит «заполнять, наполнять чем-то». В доказательство этому приводится тот факт, что это слово практически у всех тюркских народов пишется и произносится одинаково – dolma. Приготовление долмы только на первый взгляд кажется простым занятием. На самом деле, это очень мелкий и трудоёмкий процесс, требующий от человека выдержки. Когда Лейла принималась за приготовление долмы, она успокаивалась. Заворачивая каждую долмишку, она словно упаковывала свои заботы, обиды и проблемы, постепенно забывая о них.

Тогда она со скуки и тоски, оставляя Омара маме, начала ходить на кулинарные курсы. Думала, что чем вкуснее она будет готовить, тем быстрее всё наладится. На курсах она встретила чудесную Лялю, хохотушку и невероятную оптимистку. Это даже поменяло её негативно-революционный настрой в отношении русских женщин. Оказалось, с честью и совестью у Ляли все хорошо. Ляля – Ольга – жила в Москве с мужем, приезжая на его родину где-то на недельку в квартал. В это время она уставала от общения с многочисленными

родственниками и решения деловых вопросов. Приготовление блюд Ляля считала релаксацией и с невероятным рвением и удовольствием предавалась процессу. За поеданием очередного шедевра Ляля рассказала ей свою историю.

РЕЦЕПТ

долмы

ИНГРЕДИЕНТЫ:

*фарш (баранина
и говядина) 500 гр.
виноградные листья 600 гр.
мята 1 пучок
кинза свежая 1 пучок
укроп свежий 1 пучок*

*сливочное масло 100 гр.
рис 4 ст. л.
лук репчатый 1 шт.
соль по вкусу
перец чёрный молотый
по вкусу*

ПРИГОТОВЛЕНИЕ:

1. Свежие или солёные виноградные листья хорошо промыть. Свежие виноградные листья лучше брать молодые, величиной с ладонь (собирают листья весной). Чем темнее листья, тем они старше. Для долмы используют листья только светлых, белых сортов винограда. Старые и очень крупные виноградные листья лучше не использовать. В этом случае лучше взять солёные листья, которые можно заготовить впрок в сезон либо приобрести на рынке или в супермаркете (закатанные в банки).
2. Виноградные листья положить в миску, залить кипятком и выдержать около 5–7 минут.
3. Откинуть листья на дуршлаг и дать стечь воде.
4. Воду слить, с листьев стряхнуть излишки воды. У каждого листочка удалить черешки.
5. Лук почистить и мелко нарезать.
6. В сковороде разогреть сливочное масло вместе с растительным, выложить лук, посолить и обжаривать на медленном огне до мягкости.

7. Рис промыть.

8. Положить в кастрюлю, залить водой (на 1 часть риса 2 части воды), поставить на огонь, довести до кипения и варить 2–3 минуты с момента закипания. Откинуть рис на дуршлаг.

9. Зелень вымыть и мелко порубить.

10. В миску выложить фарш, добавить к нему обжаренный лук, отварной рис, рубленую зелень, щепотку зиры, соль и перец.

11. Традиционно фарш для долмы готовится из баранины, но к ней можно добавить и говядину. Также фарш можно приготовить из свинины с говядиной.

12. Виноградные листья разложить на столе гладкой стороной вниз, а отчётливыми прожилками вверх.

На середину каждого листа выложить немного фарша.

13. Сначала закрыть фарш, подогнув верхние края листа.

14. Затем закрыть начинку боковыми сторонами листа. И, наконец, свернуть тугую трубочку наподобие голубца. Таким же образом приготовить оставшуюся долму. На дно толстодонной кастрюли выложить 1–2 слоя виноградных листьев (для этих целей подойдут некондиционные, порванные листья). Выложить долмушки вплотную друг к другу, швом вниз (можно выкладывать в несколько слоёв).

15. Залить бульоном или водой вровень с долмой.

16. Воду или бульон при необходимости немного подсолить, накрыть блюдом, а сверху поставить груз, чтобы во время кипения долма не разворачивалась. Поставить кастрюлю с долмой на огонь, довести до кипения и уменьшить огонь до минимального. Готовить 1–1,5 часа при едва заметном кипении. Готовую долму снять с огня и дать настояться около 10 минут (за это время бульон впитается в долму, она станет ещё сочнее и вкуснее).

17. Приготовить соус: зелень вымыть, обсушить и порубить. Чеснок почистить и мелко порубить. Соединить сметану с чесноком и зеленью, посолить по вкусу и перемешать. Хорошо охладить соус в холодильнике в течение 2–4 часов. Подавать горячую долму с соусом.

ПАХЛАВА

Ляля испекла в тот раз пахлаву. И несмотря на то, что за пять дней в Баку прибавила килограмм, откусила её с нескрываемым наслаждением. Пахлава у неё получилась сочная и нежная, как сама Ольга. Последние пару лет Ляля жила с любовью, поэтому всё, к чему бы она ни прикасалось, получалось легко и здорово. Лейла ей очень нравилась своим спокойствием и рассудительностью. Свою историю она рассказывала долго, подробно. Ей хотелось, чтобы Лейла, которая намного младше, поняла одну, но самую важную истину – жить в сильной любви трудно, но только любовь наполняет бытие смыслом.

Тяжёлая ладонь ударяет по моему лицу. Меня никогда никто в жизни не бил до этого. Никогда. От этого намного больнее. У Сергея звериный взгляд, он будто ничего не видит, кроме собственного воображения, которое рисует, судя по всему, страшные картины.

– Сучка! – выдавил он. – Ты хоть сама понимаешь, что ты сделала?

Я не могу ответить, ком застрял в горле, и звук не идёт, пропал, остановился в груди. В растерянности смотрю на мужа. Молча. И тем бешу его ещё больше. Всю жизнь я быстро и много говорю, нужное и не очень, уместное и не всегда. А здесь вдруг молчу. Он не понимает, что делать. Хватает меня, прижимает к стене. Пощёчина за пощёчиной. Боль, от которой поднимается температура. Слёзы в безмолвии вырываются из глаз.

– Прости. Прости, пожалуйста, – шепчу, вымаливая прощение.

– Сволочь... Да таких, как ты...

– Что? Что с нами нужно сделать? Убить? Ну убей... Ты же можешь. Так, чтобы никто и ничего не узнал. Убей, – мозг отключился, я не чувствую. Смотрю на него. И ещё больше давлю на газ его бесконечной ревностной ненависти. И вижу, что ему плохо. Он садится на корточки и начинает плакать. Как ребёнок, как маленький мальчик. Просто плачет, тихо поскуливая. Я подношу пальцы к губам, понимаю, губа рассечена. На языке привкус крови, смешанный с кофе, выпитым десять

минут назад до прихода мужа. Не думала, что когда-то увижу Сергея плачущим. Вот так, на полу в спальне, в бессилии и отчаянии.

Той весной было неповторимо хорошо в природе. Невероятно пахло растаявшим снегом, весенней водой. Я сидела в кофейне, оформленной в изысканном французском стиле. Потихоньку глотала приятный чёрный напиток, слегка обжигая горло. Смотря на проезжающие за окном автомобили, гадала про себя, на какой машине приедет мой клиент. Так, для развлечения, от ленивой скуки. В столице господствовал март. Грязный снег, лужи, демисезонная серость и всеобщее ожидание тепла. Такого скорого и такого желанного. В кофейне подавали прекрасный карамелизованный коричневый сахар. Я положила его в чашку и тихо размешивала, почти засыпая. В тот мартовский день на душе было умиротворённо и спокойно. Поэтому перед встречей я практически не переживала и просто ждала. У моря погоды. В мартовском пейзаже солнца. В бизнес-графике ещё одну сделку.

У марта особое обаяние. На самом деле новый год начинается не первого января, а первого марта. Когда природа доходит до своеобразного финиша и ставит ногу на старт. В марте всё опять начинает начинаться. Извините за каламбур. Но как-то именно так всё ведь и происходит. Все бегут по московским улицам, погружённые в одну большую суету мегаполиса, а про себя каждый думает о своём. О детях и внуках, о неприготовленном ужине, о собственной идеализированной весне. У кого-то на окне готовится к высадке рассада, кто-то мечтает сдать сессию и улететь с ребятами в Крым, кто-то – помириться с соседом Петей, просто потому что он давно нравится, а любовь в восьмом классе почему-то всё время наталкивает на ссоры и кляузничество. Кто-то выстраивает план по соблазнению Катьки из отдела логистики. В общем, несмотря на весеннее психическое обострение, большинство планов имеет положительный подтекст и абсолютно добрые побуждения.

Он приехал на хорошем добротном внедорожнике. Без лишней экспрессии в дизайне, вызывающе красивой комбинации цифр на

номере и прочей атрибутики богатой жизни успешного мужчины. За рулём сидел водитель. Мой клиент спокойно вышел, аккуратно обошёл лужи, зашёл в кофейню. И сразу направился к моему столику. Интуитивно или, наоборот, просчитав всех сидящих в заведении. Мы обсудили съёмки, обговорили место и время, согласовали сценарий. Сергей оказался очень приятным собеседником. Не было в нём, как говорится, дешёвых понтов, наигранности, чрезмерного высокомерия, возвышения над другими. Он заказал себе чашку кофе. Видимо, в тот день Серж, я потом так его назову, очень устал, не торопился уезжать, сидел, тоже смотрел в окно, рассказывал мне что-то. Моя мартовская лёгкость передалась ему, мы не заметили, как просидели четыре часа. Я тогда была свободна. До неприличия. Как сидящий на входе в кофейню дуреющий от счастья мартовский кот.

– Полетели завтра со мной в Дубаи? – буднично произнёс Серж.

– Куда, простите? – не поняв предложения, переспросила я.

– В Дубаи. Там завтра инвестиционный форум открывается. Составь мне компанию, – он перешёл незаметно на «ты».

– Полетели. Ты сам всё оформишь? – поддержала простоту я.

– Обижаешь. У тебя паспорт с собой?

И мы бросили эту оживлённую мартовскую Москву. Манящий Дубаи, запах океана, тепло, которого в Москве ещё ждать и ждать. Серж не утруждал себя ухаживаниями, я не пыталась от него получить выгоду. Не нужны мне были машины, дизайнерские платья, дорогостоящие бриллианты. Даже цветочка от Сержа не ждала. Я ничего у него не просила. Поэтому не чувствовала себя содержанкой или, того хуже, девушкой, которую взяли с собой в качестве эскорта. Не было жеманства, ханжества, высоких признаний. Мы жили в одном номере. Будто всё так и должно быть. Я хорошо помню нашу первую ночь. Мне казалось, что просто всё уже пройдено. Раскрепощённость, простота, знакомый запах его тела. Спокойно. Всё было слишком спокойно. Так же спокойно мы вернулись в Россию, так же спокойно он развёлся с женой, с которой уже давно фактически не жил вместе, так же спокойно

мы отнесли заявление в ЗАГС и оформили брак. Пять лет брака были образцово-показательными. Серж не жалел средств на развитие моего бизнеса, я подняла компанию до международного уровня. У каждого из нас был свой карьерный проект, который мы с упоением воплощали в жизнь. Мы не планировали детей. Не до этого было. По порядку шла наша повседневная жизнь. Друзья, в основном его, поездки за город, Альпы – зимой, французский берег – летом. Мы бы, наверное, так и жили. Если бы не другая, новая весна, также ожидающая новизны, и моя командировка в Баку, где весна шагала более смело. И запах стоял невероятный, и кофе был намного вкуснее.

В Азербайджане у меня был запланирован насыщенный график. Лена, моя помощница, представила накануне план, в котором даже свободного часа не было. Десять часов сна – единственная поправка, которую она сделала, пожалев моё здоровье. Поэтому в самолёте я старалась подремать, воспользоваться моментом, отдохнуть. За десять минут до отправки самолёта стюардессы встретили ещё одного пассажира бизнес-класса. Его место было рядом с моим. Закрыв глаза, я начала засыпать. Пусть садится кто угодно, мне всё равно. Мне уже снилось огромное неоновое-зелёное поле, скачущие кони почему-то. Вдруг сквозь сон я услышала голос...

– Ляля... Ляля, это ты? – кто-то осторожно, протягивая гласные, старался произносить моё имя, только не Ольга, такое привычное, а именно «Ляля».

Открыв глаза, я стала разглядывать склонившегося надо мной мужчину. Ему, как и мне, было тридцать с небольшим, и я его уже в жизни видела. Минутное замешательство. Да, точно. Это же Нуран. Когда-то нас накрыло романтической волной, и мы провели два прекрасных дня в Нижнем Новгороде. Студенческая конференция, мы были студентами и умели брать от жизни лучшее. Но лучшее имеет свойство быстро заканчиваться. И мы расстались. Прозаично и грустно.

– Здравствуй, – тихо произнесла я.

– Привет. Ну надо же, какая встреча, – он не скрывал радости.

– Я тоже рада тебе, – сохраняя равновесие, сказала я.

– Прости, я, наверное, тебя разбудил. Прости миллион раз. Не мог же я дать тебе проспять весь перелёт. Рассказывай, как ты?

– Как видишь, неплохо. Лечу по делам. А ты чем занимаешься?

– Мчу на интервью в Баку. У меня своя авторская программа на интернациональном телевидении. Вот еду подготовить выпуск.

– Здорово, – дипломатично ответила я.

Баку встретил нас солнцем, палящим и праздничным. Весна там – не то, что в Москве. Такое впечатление, что изображению мира добавили цвета, контраста. В воздухе чувствовалось еле слышное пробуждение природы. На газонах, сохранивших, как ни удивительно, свой зелёный цвет, то тут, то там вспыхивали голубые и жёлтые огоньки – появлялись первые весенние цветы. Неповторимый запах приближающейся, распускающейся многоцветиями весны наполнял город. Мы прилетели в одиннадцать, а в двенадцать у меня были запланированы первые переговоры.

– Ладно, – я чмокнула Нурана в щёчку, – пока. Я бы с удовольствием выпила с тобой чашку кофе. Но у меня дела.

Улыбнувшись, он крепко обнял меня.

– До встречи.

Я не придавала значения его словам ровно до вечера. Уставшая, я вылезла из взятой в аренду «Ауди». Всё-таки Лена – молодец. Она удивительным образом успевает сделать так, что в любом месте я чувствую себя вполне комфортно. Номер в «Отель Хаятт Ридженси Баку», машина почти такая же, как дома в Москве. Хотя чем больше ты работаешь в космополитичном режиме, тем проще воспринимаешь новые города. Только сейчас я начала до конца понимать значение слов «человек мира». Постепенно ни новые маршруты, ни чужой язык тебя не удивляют. Вот и тем вечером я шла в отель как во временный дом. Мечтала наполнить ванную, расслабиться, выпить чаю и уснуть под включённый в режиме sleep телевизор.

– Ляля... – услышала я за спиной, – куда ты так спешишь?

Я обернулась и увидела Нурана. Он стоял на тротуаре с прозрачно-жёлтой розой в руке.

– Пойдём погуляем, – произнёс он.

Ничего себе, он помнит про жёлтые розы. Тогда, в Нижнем Новгороде, он тоже купил мне жёлтые розы, перед отъездом. Мы были такие юные, такие независимые, такие счастливые. Но не знали, как быть дальше. У нас не было дома как такого. Я жила в общежитии Санкт-Петербургского университета, он – в общежитии МГУ. Транзитный роман не имел продолжения. Я ревела на его груди, уткнувшись в его чёрный свитер, он прижимал меня к себе. Потом ехала в поезде, а он оставался на отдалёющемся перроне. Печальные и одновременно светлые воспоминания.

Я несла ароматную розу в руке. В полночь на набережной Каспия гуляют сотни бакинцев. Каждое здание в центре сверкает в своем неповторимом цвете. Возвышающаяся телевышка переливается разными цветами, создавая уникальный ночной образ столицы Азербайджана. Все здания в центре Баку выдержаны в одной цветовой гамме – песочной. И подсветка гармонично освещает здания. Город залит жёлтым светом, будто бы от тайного искусственного солнца.

– Ляль, я часто тебя вспоминал. Представляешь, я даже периодически наблюдал за тем, как ты живёшь. Я всегда думал и верил, что такая, как ты, не будет в тени. Про тебя часто пишут. Больше, конечно, про твою компанию. Но интервью с тобой – это моя возможность знать, что ты жива и здорова и, скорее всего, успешна. Ляля, ты счастлива?

– Нуран, это риторический вопрос. Я не могу на него ответить.

– У тебя же хороший муж...

– Хороший, – своим подтверждением я перебила Нурана.

– Богатый...

– Небедный, – перефразировала я.

– Ты прекрасно выглядишь. Со стороны всё чудесно. Я видел ваши фото с открытия «Истин-медиа». Вы хорошо смотрите.

– И не со стороны у нас тоже всё нормально. Поверь мне. Сергей – любящий и заботливый. Мне с ним спокойно.

– Странное слово – «спокойно». Так не говорят про взаимоотношения мужчины и женщины.

– Говорят по-разному. Пять лет я живу без волнений и переживаний. Очень гладко. Иногда даже страшно, как гладко. Знаешь, просыпаюсь утром и думаю в основном о работе. Я о Серёже редко думаю. И практически не думаю о том, люблю ли я его. Всё как само собой разумеющееся.

– Прости, но почему у вас нет детей?

– Честно? Вот ты сейчас спросил, а я даже не знаю, что сказать. Мы не разговаривали никогда о детях. Не до детей всегда было. Мы постоянно в новых начинаниях. Одни дела заканчиваются, планируются другие. И дети не вписываются в эти планы.

– Странно. Всё странно. Ляля, на тебя это не похоже. Ты очень тонко чувствуешь этот мир. И как можно жить так? Не по любви, а по бизнес-плану? Взаимовыгодно – да, а счастье... Поэтому ты и не говоришь о счастье.

– Ну что ты заладил про счастье! Лавров многое для меня сделал. Я не была бы той, кем сейчас являюсь, без него. Он растил меня, любовно, аккуратно, и превращал в такую Ольгу, которая стоит перед тобой.

– Зачем я тогда тебя отпустил? – Нуран остановился и развернулся ко мне. – Ответь, зачем?

Зачем он меня тогда отпустил? В поезде из Нижнего я тоже постоянно задавала себе этот вопрос. Напротив меня сидела моя соседка по купе, статная женщина лет шестидесяти. Я ехала и плакала всю дорогу. Маленькая, рыжая, в джинсах. Наверное, смотреть на меня, на это красное от слёз затравленное существо, у попутчицы не хватало сил. Она ходила, принесла чаю, угостила меня конфетами, дала валерьянки, выслушала поток моей несчастно влюблённой экзистенции и уложила спать.

– Затем, – я набрала воздуха в грудь, – чтобы я многое смогла и многое успела. Было бы лучше, если б я осталась? Ну так, гипотетически. Мы бы жили в общежитии? Или сняли квартиру? Пахали бы с утра до ночи. И поверь, у нас даже времени не было бы подумать о таких прекрасных понятиях, как счастье и любовь. Я тебе больше скажу. Мы бы разбежались через месяц. Такую школу жизни, с ограниченными средствами и скитаниями по комнатам общежития, мы бы не прошли.

– Почему ты так смело решаешь за всех и даже за бога? Ему виднее. Может быть...

– Не начинай. Жизнь вообще не терпит сослагательных наклонений. – Мне вдруг стало неприятно. Я как будто обманывала себя. Обманывать кого-то – паршиво, а себя – вдвойне противно. – Перестань вдаваться в философию, не нужно всё ворошить. Я замужем. Я счастлива. Это официальная версия. Я в неё верю. И не советую тебе меня переубеждать.

– Давай поцелуемся. Тебе можно? – он улыбнулся. – Замужней женщине можно целоваться со старым другом?

Я ничего не ответила, и мы пошли дальше. Добрались до Нагорного парка. Нагорный парк расположен в центре города, с которым его связывает фуникулёр. С парка открывается потрясающая панорама города и бакинской бухты. Город в огнях. Миллионы, нет – миллиарды огней. И мы над этими фантастическими огнями, над огромным Баку, воздух – коктейль запаха моря и нефти. Еле уловимый запах нефти. Свойственный только Баку. На второй день я уже его не замечала. А тогда всё ещё непонятное бакинское пространство проникало в меня странными кусочками бытия. За последнее время я совсем растеряла остроту романтических чувств. А там всё возвращалось. Постепенно, болезненно. словно резали по живому. В тот момент хотелось того, чего ни в коем случае нельзя. Нуран стоял за моей спиной, я отвела руки за спину. Нуран взял меня за руки, крепко-крепко. Он стал целовать мою шею, украдкой, нежно, плавно. И я теряла сознание. Почти.

Бакинские огни растекались световыми пятнами в моих глазах. В голове пульсировало, тело превращалось в пластичную каплю.

– Ляля, ты помнишь «Буфет»?

– Какой буфет? – прошептала я, не разворачиваясь к Нурану.

– Ну, «Буфет» в Нижнем. Помнишь арт-кафе, в котором мы сидели тогда? Хорошее место. Там мужичок, помнишь, кофе варил и глинтвейн каждому индивидуально. Так вот, он же тебе тогда кофе варил?

– Да, с корицей и гвоздикой. Очень вкусный был кофе. Мягкий, в меру крепкий.

– Так вот, некоторым он ещё и что-то шепчет, говорят. Мне, конечно, он сделал глинтвейн. Но ничего не шепнул. А тебе, я видел, шепнул тихо, – он продолжал покрывать мою шею поцелуями, я чувствовала его дыхание, смешанное с потоками морского ветра.

– Какая у тебя память, – засмеялась я. Конечно, я помнила «Буфет». Такие заведения сложно забыть. Это легендарное место с трудно передаваемой атмосферой. В середине девяностых это был один из немногих активно работавших опорных пунктов современной культуры. Он возник по инициативе двух художниц – молодых, красивых, энергичных и талантливых. «Мастерская Изобразительного Труда» – так это место называлось изначально – тоже стало стильным, модным арт-заведением. А потом «Буфет» – в новом названии – соединил клуб, кафе и галерею в одно целое. Там действительно есть такой удивительный человек. Мне он действительно шепнул кое-что. Мы тогда так хорошо посидели с Нураном, прижались в уголке друг к другу, целовались и абсолютно не думали о будущем. Старая мебель, картины, приглушённый цвет. Господи, как же тогда было хорошо.

– Ну, говори. Мне интересно, – любопытство разбирало Нурана.

– Он сказал, что весна вернётся. Вернётся там, где распускаются кактусы. Сложная символика, согласишься. Знаешь, мы с Серёжкой объехали все известные курорты. И я всё время искала распускающиеся кактусы.

– Нашла?

– Нет, и весна в душе, видимо, потерялась, – я посмотрела ему в глаза.

– А у нас на Приморском бульваре цветут кактусы в начале июня. Оставайся на пару месяцев и сама увидишь.

– Давай вернёмся к моему отелю. У меня в девять встреча. Боюсь проспять, – надо возвращаться, пока мы не натворили глупостей, о которых потом пожалеем.

Мы вернулись к отелю. Я разглядывала Нурана, не стесняясь, по-свойски. Он высокий и аристократично хрупкий. Не похожий на Сергея, крупного, уверенного в себе. На уровне подсознания, после той студенческой любви, я всегда хотела такого стройного высокого кавказского мужчину. А вышла замуж за крепкого русского бизнесмена. Ирония судьбы. Нуран ответно разглядывал меня.

– А ты совсем не изменилась. Внутренне. Внешне, конечно, немного другая. Цвет волос поменяла. Стала блондинкой.

– Ты такой же, как и был, только чуточку взрослее и увереннее.

– Ляля, я хочу тебя. Пойдём в номер, – бесцеремонность меня совсем не удивляла. И больше всего мне хотелось её поддержать.

– Нет, Нуран. Не ломай ту чёткую линию, по которой я иду. Не надо. Мы с тобой не будем вместе. Я замужем. Давай всё оставим так, как есть. Спасибо за прогулку. Пока, – я поцеловала его и убежала. Как будто мне шестнадцать лет и я убегаю с первого свидания.

Утром я встречалась с президентом одной крупной нефтяной компании, мы договорились о создании серии документальных фильмов. Потом мне нужно было встретиться с менеджером телевизионной компании. В общем, я колесила по Баку и светилась от внезапно нахлынувшей гармонии. Город просыпался от зимы, город окунался в весну. Дела решались нелогично быстро. Наверное, обаяние моей наполненной весенним настроением души обезоруживало партнёров и клиентов. Перед глазами стоял ночной Баку, вид с Нагорного парка. Время близилось к шести вечера. Оставалось последнее дело

– запись для радиостанции. И в половине восьмого я буду свободна. Зазвонил мобильный.

– Алло.

– Узнала?

– Наверное, – выдержала паузу. – Конечно, узнала.

Это был Нуран. Добыл где-то мой номер. Хотя с его журналистским талантом это не так уж сложно.

– Поехали на лошадях кататься? – огорошил он меня предложением.

– Ты что, с ума сошёл? Я на лошади ни разу не сидела!

– Всё когда-нибудь происходит в первый раз. Я заеду за тобой к восьми в отель. Дресс-код – демократичный. Сразу предупреждаю.

– У меня есть шанс отказаться?

– Нет. У тебя нет выбора. Собирайся. Пока, принцесса, – и Нуран отключился.

Мы приехали на государственный ипподром. На весь антураж перестаёшь обращать внимание, как только видишь лошадей. Нуран сел на красивого породистого коня, глянцево-чёрного. Брюнет Нуран на Пегасе, так звали коня-красавца, казался почти принцем какой-нибудь далёкой независимой республики. А я что же буду делать? Страх сесть на лошадь был сильнее девичьего желания соответствовать новоявленному принцу. Чтобы расслабиться, я позволила себе шалость помечтать, повибирать лошадь, похожую на себя. Вообще все лошади очень красивые, но их красота всегда разная. Как оказалось, нет абсолютно одинаковых лошадей, и характер у каждой свой. К любой лошади необходим индивидуальный подход. Например, Пегас очень не любил даже малейший намёк на хлыст. Он становился агрессивным и неуправляемым. Стоило только поднять повод для лёгкого удара, чтобы перейти на галоп, как Пегас начинал скакать во всю прыть. Как же он в этом похож на Нурана! На него тоже нельзя давить. Я это уловила сразу, и в Нижнем Новгороде не стала закатывать истерику, а просто уехала.

Мне выбрали белую Стелу. Удивительно, но мысленно я тоже выбрала её. С виду она казалось резкой и независимой. Инструктор помог мне сесть на лошадь. От опасения быть сброшенной чувствовала себя неловко и скованно. Лошадь всегда очень тонко чувствует, новичок ты или уже уверенно сидишь в седле. Если ты новичок, она будет вести себя так, как будто она хозяйка ситуации, и не позволит управлять ею. Поэтому тренер подобрал мне, на его взгляд, достаточно покорную особь. Стела приняла меня. Независимость, как и у нас, гордых женщин, оказалась только внешней. Мы тихонько двинулись с Нураном. Вечерняя погода расслабляла, лошади чинно несли нас, и откровения вырывались сами собой...

– Ты могла бы всё бросить? Вот так, разом?

– Я не понимаю тебя...

– Уйти от мужа. Уйти от нелюбви. Уйти от ночей с человеком, к которому вместо страсти – пресловутая благодарность.

– Почему ты сделал такие выводы? Может быть, я его люблю?

– Я не сомневаюсь, что ты любишь свою сегодняшнюю уважаемую жизнь. Или любишь то постоянство, которое сложилось. А не его...

– Сергей многое для меня значит...

– Он значит для тебя дарованное положение. Но ты же сможешь без него? Сможешь сама?

– Не знаю. Зачем?

– Затем, чтобы быть со мной. Останься в весне навсегда. Я люблю тебя...

В ту секунду я поняла, что за все годы Сергей так и не сказал мне «люблю». Вроде как это подразумевалось. Будто бы когда-то в прошлом было сказано. И зачем, думалось, повторяться. Всё ж и так понятно.

Каким же было вечернее небо Баку! Оно не меняло красок, на нём не набухали почки, как на деревьях, но оно тоже менялось, переливалось полутонами. Думая о словах Нурана, я даже забыла, что еду

на лошади. И Стела не беспокоила меня, меланхолично вышагивая. Весна возвращалась. Однозначно верилось, что весна – это не время года. Это состояние человеческой души. Может наступить и март, и апрель, а весны может и не быть. У меня её не было пять лет. Тем бакинским вечером я поняла, что Серж сыграл важную роль в моей жизни. Но не решающую.

По виду Сергея я сразу поняла, что он не в настроении. Он разделся. Ушёл в душ. И пробыл там – как никогда – час. Я разложила ужин, приготовила его любимые рёбрышки в медовом соусе. Хотела испить вино, дурочка. Честно, хотела всё рассказать сама, деликатно, с объяснениями, расшифровками. Но просто не успела. Хотя неизвестно, что было бы лучше. Он взял вилку и не смог есть.

– Мне надо тебе показать кое-что...

Серж даже не отнёс вещи в гардеробную. Пиджак валялся на кровати. Муж точно не в порядке. Из внутреннего кармана пиджака он достал фото.

– Ты не хочешь мне рассказать историю этих фотографий? – всё начиналось в привычном спокойном тоне.

Фотографии были красивые. Они бы хорошо смотрелись в глянцевом издании ограниченной серии. Мы с Нураном на лошадях. Даже не представляла, что со стороны это выглядело так живописно. Так влюблённо. Глупо мне было отнекиваться. Утром мы вместе с Нураном вернулись в Москву. Он привёз меня в свою московскую квартиру. Я знаю, в какой момент родилось решение. Я подошла к его компьютерному столу. Рядом с монитором стояла рамка с фотографией. С Нижнего. У меня тоже есть такая. Она вложена в томик Бродского, и о ней знаю только я. На перроне сфотографировались на память. И я оставила чемоданы у Нурана.

Сергей плачет. Я никогда не думала, что увижу его таким раздавленным. Раздавленным собственным детищем, его Галатеей, в которую он столько вложил. Он сидит рядом с кроватью и смотрит вдаль. Когда-нибудь он меня простит. В природе так заведено: весна, лето,

потом осень и зима. Пять лет назад из весны мы сразу прыгнули в осень. Но жить в ней постоянно нельзя. Даже спокойно, даже благополучно. Губа болит. Но я не держу зла на Сергея. Может быть, когда-то и к нему вернётся весна, его весна. А ко мне моя уже вернулась.

Лейла долго думала о Ляле, её жизни. И пусть у нее всё сложилось не в таком правильном порядке, который принято считать образцом. Главное, Ляля любила и была любима. Она боролась за свою любовь, за себя.

Лейла перестала принимать противозачаточные таблетки, сделала лёгкую стрижку на своих роскошных длинных волосах, стала чаще думать о себе, своей внешности, много читала, молилась, всеми силами выравнивала эмоциональный фон. Руслан снова приблизился. И через пару месяцев Лейла узнала, что снова ждёт ребенка. Руслану тогда предложили купить по очень выгодной цене деревообрабатывающее производство на Украине. Они уехали и начали всё с чистого листа.

Здесь, в Закарпатье, она также занималась домом, иногда грустила, мечтала о творчестве. Рисовала сыновей, любила Руслана. Выводя его черты на бумаге, понимала, что вряд ли кого-то она будет любить так же нежно, всей душой. Она чувствовала, что измены ушли. Их дом с маленьким бассейном, собаки, дети и... Сладкий вкус пахлавы, которой она баловала семью по выходным.

РЕЦЕПТ

пахлавы

ИНГРЕДИЕНТЫ:

ДЛЯ ТЕСТА:

*мука – 500 гр.
яйца – 2 шт.
сметана – 150 гр.
молоко – 150 гр.
сливочное масло – 50 гр.
сухие дрожжи – 6 гр.
соль – щепотка
сахар – 1 ч. л.*

Для начинки:

*орехи грецкие – 250 гр.
сахарная пудра – 250 гр.
сливочное масло – 250 гр.
кардамон – 0,5 ч. л.
корица – 1 ч. л.
ваниль*

ДЛЯ ГЛАЗУРИ:

*яйца – 1 шт.
орехи грецкие – 100 гр.
Для сиропа:
мед – 150 гр.
горячая вода – 100 мл*

ПРИГОТОВЛЕНИЕ

Готовим дрожжевое тесто: в тёплое молоко кладём дрожжи и 1 столовую ложку сахара. В другой посуде смешиваем просеянную муку, яйца, сметану, сливочное масло и соль. Когда дрожжи забродят и сверху на молоке образуется пенка, вливаем смесь во вторую ёмкость с продуктами и замешиваем тесто. Месить нужно, пока оно не перестанет липнуть к рукам. Убираем тесто примерно на час в тёплое место подходить.

Готовим начинку: смешиваем перемолотые грецкие орехи с сахарной пудрой. Добавляем кардамон и корицу. Вторая часть начинки – это сливочное масло, которое нужно растопить перед самым использованием.

Тесто делим на 12 частей. Одна из них должна быть немного больше, чем остальные. Тонко-тонко раскатываем эту часть, этого теста должно хватить, чтобы покрыть форму – дно и стеночки, и желательнее, чтобы тесто ещё свисало примерно на 2 см. Смазываем этот пласт маслом, сверху посыпаем начинкой. Остальные части также раскатываем, только размер должен соответствовать размеру формы. Чередуем пласты теста и начинку. А тесто, которое свисало, укладываем на предпоследний слой. Края смазываем взбитым яйцом. Посыпаем начинкой и кладём самый последний слой теста. Верх пахлавы смазываем яйцом. Теперь нарезаем ромбики и внутрь каждого кладём по половинке ореха.

Накрываем пахлаву полотенцем и оставляем минут на 15. После этого отправляем в разогретую духовку. Минут через 15-20 форму вынимаем и по стыкам ромбиков поливаем растопленным сливочным маслом. Практически в самом конце выпечки, когда пахлава уже начнёт покрываться румяной корочкой, снова вынимаем её из духовки и поливаем медовым сиропом. Сейчас его понадобится всего третья часть. Снова отправляем пахлаву в духовку и запекаем до готовности. Затем вынимаем, даём остыть и только потом разделяем ромбики и каждый макаем в сироп. На этом приготовление азербайджанской пахлавы завершено.

ШАКШУКА

Он ждал Ташу в аэропорту – в клетчатой рубашке, джинсах и с превосходным настроением. Он обожал встречать Наталью. Каждый раз это был праздник, окно в другую, не связанную с основной жизнь. Он отпивал горячий чай, смотрел на бурную жизнь аэропорта и предвкушал две недели сумасшедшего счастья. Их роман с Ташей не выжил бы никогда, перерасти он в семейную жизнь или просто сожительство. Думая об этом, Руслан, скорее всего, убеждал самого себя, потому как Таша ему нравилась. И, да, он её любил. По-своему, не совсем так, как ей хотелось. Но он чувствовал к ней невероятное притяжение. Любовь – сложное чувство, у него миллиард оттенков. Таша ему дорога. Иначе почему он сидит в аэропорту, бросив дела, предприятие, встречи, семью, в конце концов?.. Потому что эти две недели с Ташей нужны ему как воздух.

В аэропорту на происходящее смотришь иначе. Люди здесь обнимаются после долгой разлуки или расстаются на года, если не навсегда. Слезы, радость, объятия, улыбки, горечь, счастье, трепетное отпускание рук и полные оптимизма приветственные рукопожатия. Там, где

взлетают и садятся самолёты, это неизбежно, как сама судьба. Истории в аэропорту обычно начинаются или заканчиваются. Путешествие, командировка, уикенд у родителей, каникулы у бабушки, время с любимыми. Начало и конец соседствуют здесь. И Руслан с нетерпением ждал своего начала.

– Вы Наталья Иванова? – именно так должен спросить работник аэропорта, встречая Ташу.

И она точно удивится и бесконечно обрадуется изобретению Руслана. Организовать vip-встречу – это хорошее начало. Так её точно никто и нигде не встречал. А он встретит как герой фильма, как персонаж романа, как мужчина мечты. Таше не надо будет ловить багаж, его принесут уже в кафе. А она станет ждать его с блаженной улыбкой на лице.

Всё так и произошло. Таша бежала к нему навстречу, светясь, сияя, обняла его, не став целовать при всех, помня о том, что Баку – кавказский город, и к таким открытым проявлениям чувств здесь относятся по-разному. На Таше было лёгкое чёрное платье, красивые бежевые туфли и модная кожаная куртка, утяжелявшая образ металлическими заклёпками.

«Мерседес» пах свежестью шампуня и духами Таши. Наталья наполнила автомобиль громким смехом и невероятным ароматом. Солнце ласкало их лучами. Руслан чувствовал бабочек – где-то в районе солнечного сплетения. Счастье прожить маленький отрезок жизни с бесконечно любимой женщиной.

– Я что, буду здесь жить? – иногда в Таше поселялась вредность. Было это редко. Казалось, какое-то лёгкое дуновение ветра полностью меняет её настрой.

– Да, это хорошая квартира, рядом с бульваром. Тебе не нравится?

– Нет, – ничего не объясняя, коротко ответила Таша. Скорее всего, она просто злилась на долгую разлуку и таким способом обращала на себя ещё более пристальное внимание Руслана.

– Хорошо, я попробую найти что-то ещё. Милая, мне всё сложнее тебя удивлять.

Таша смотрела на сидящего на диване Руслана и, казалось, придумывала, чем бы его ещё зацепить, раздумывая, уколоть или всё-таки закончить это истязание.

– Ладно, я не хочу разговаривать. Иди ложись спать, – твёрдо и надменно произнёс Руслан. Он начала ответную игру.

– Не хочу, – Таша подошла ближе, села на колени Руслана лицом к нему и стала целовать. – Я не хочу спать, совсем не хочу, – Таша покрывала лицо Руслана поцелуями.

Руслан сжал её бедра своими руками, почувствовал кружево чулок и понял, что уже совсем не помнит, что говорил. Он вдыхал аромат её кожи, духов с нотками мускуса. Она плавно извивалась в его руках. Они вдвоём ушли в ночь, страстную, глубокую, тёмную бакинскую ночь. Объятия, сон, снова объятия... Проснулись от дикого голода. На машине заехали за свежими лепёшками, заказали в кафе яичницу с помидорами, взяли заказ с собой и поехали к морю.

Смотря на линию морского горизонта, Таша размышляла:

– Вот скажи мне – зачем нам это всё? Мы встречаемся крайне редко. Да, мы, вроде бы, любим друг друга. Но ты не хочешь жениться на мне. Совсем не хочешь.

– Почему не хочу? – сопротивлялся Руслан. – Просто сейчас не время, надо подождать.

– А что мы, собственно говоря, ждём? – напала Таша.

– Мы ждём стабильности. Пока много дел, поездок. Какая свадьба! Ты вряд ли переедешь сейчас в Баку.

– Может, и перееду! Ты меня не спрашивал.

– У тебя дочь в России, мама. Как ты себе это представляешь?

– Переезжай тогда ты в Россию! – не унималась Таша.

– Вряд ли я там кому-то нужен. Мое дело связано с Азербайджаном. Завод, дизайнеры в Турции. В конце концов, у меня тут родственники, друзья, родители.

– Мы что-нибудь придумаем. Откроешь мебельные салоны в Москве.

– Это сложно. Потому что здесь я свой, здесь освоен рынок. Там придётся всё начинать с нуля.

– Иногда полезно всё начинать с нуля. Мне так хочется быть всегда рядом с тобой, а не урывками, – причитала Таша.

– Ты всегда можешь прилететь, это нетрудно: два часа полёта – и ты тут, как вчера.

– Это не жизнь, это не любовь, я привязана к тебе. И поэтому не могу построить нормальную семейную жизнь.

– Иванова, я убью тебя, если в твоей жизни появится другой мужчина, – угрожающе, сквозь зубы, с особым артистизмом сказал Руслан.

Таша отломала лепёшку, макнула её в яичницу и поднесла к губам Руслана. Он жадно принял подношение.

– Традиционное – не значит самое правильное, – еле понятно сказал он.

– Что ты имеешь в виду?

– Я о том, что нам и так хорошо, зачем что-то придумывать?

– Так устроена женщина, – перебила Таша Руслана, – женщина хочет просчитываемой перспективы, для меня важно иметь точку жизненной опоры, понимание, что рядом надёжный мужчина. Надёжный, понимаешь?

– А чем я не надёжный? – вопросом на вопрос подхватил Руслан.
– Я тебе не изменяю...

– Я не про измену. А про долгую дорогу, в которую хочу отправиться вместе с тобой, – мечтательно посмотрев в небо, заметила Таша.

Солнце бликами расходилось по воде. В эту секунду они оба были бесконечно свободны. Сбежав от семей, обстоятельств, трудовых будней, они словно чайки над морем летали над миром правил и условностей. Они качались на качелях – от реальности к мечте и обратно,

не зная, как остановится, и только с каждым разом набирая всё большую амплитуду.

Руслан осознал, что рано или поздно Таша захочет создать семью, настоящую крепкую семью, со своими радостями и горестями, ужинами по будням, поздними завтраками по выходным.

Таша делилась воображаемой идиллией:

– Представляешь, воскресенье. Часов одиннадцать. Нас будят двое наших детей, мальчик и девочка, погодки, у них большие карие глаза, пухлые губки и кудрявые волосы. Мы идём на кухню. Я жарю блинчики, варю кофе. Дети прыгают, смеются, смотрят мультфильмы, разбрасывают игрушки. В доме шумно и вкусно. Пахнет корицей и кофейными зёрнами. Мы вкусно и весело завтракаем, а потом едем в кино, в парк аттракционов. В торговом центре покупаем игрушки и вкусняшки. У нас две собаки – большая и маленькая.

– Всё, остановись, хватит. Хватит этого бреда. Так красиво всё выглядит только в твоей голове, Иванова. На самом деле дети не дадут нормально позавтракать, собаки будут лаять и просить, чтобы с ними погуляли, блины подгорят, и ты будешь кричать, что телевизор работает слишком громко.

– Ты пессимист! – разозлилась Таша.

– Я хорошо информированный оптимист. Я реалист. И то, что ты сейчас с упоением рассказываешь, на самом деле чушь собачья. Так бывает только в рекламных роликах. А ты принимаешь режиссёрский вымысел за чистую монету. В жизни всё не так, как на экране телевизора.

– Почему всё обязательно должно быть плохо? Я знаю сотни семей, которые стараются сохранять гармонию в своём маленьком домашнем мире. Да, это непростая работа, требующая времени, понимания, умения идти на компромисс. Но это того стоит. Это возвращается с лихвой гармонией, спокойствием, уверенностью в завтрашнем дне.

– Таша, при чём здесь уверенность? Я никогда ни в чём не уверен. Ни один договор, ни одна печать, ни одно обещание не гарантируют тебе благополучного завтра. Всё меняется, это жизнь. Сегодня можно любить, завтра ненавидеть. И наоборот.

– Руслан, ты ещё недостаточно зрелый, чтобы понять это, – Таша обиженно надула губы.

– Ладно, поехали, мне надо заехать в офис. Совсем всё бросить я никак не могу.

До вечера они просидели в офисе. Таша читала книгу, общалась с чудесной девушкой-секретарём. Руслан кому-то звонил, говорил то на азербайджанском, то на турецком. Хмурился, злился, улыбался. К концу дня подъехал его друг Анар.

– Ты ещё не уснула? – Руслан вырвал Ташу из книжных перипетий.

– Нет, книга интересная.

– Поехали, у меня есть сюрприз.

Таша всегда, с раннего детства, испытывала особую тягу к ночным панорамным видам, светящимся миллионами огоньков. Они её завораживали. Её многоэтажка стояла на городской возвышенности, и вечерами можно было наблюдать, как люди приходят в свои квартиры, включают свет. В каждом таком окне текла своя жизнь. Таша иногда садилась у окна и придумывала, какие события разворачиваются за тем или иным окном. Фантазия рождала интриги, диалоги, споры и примирения. Почему-то всегда казалось, что там, за очередным светом, у семей особенная и необыкновенно интересная жизнь. Не такая рутинная, как у Таши. Повзрослев, Таша стала понимать, что заботы и проблемы есть практически у всех. И за светом, проникающим сквозь цветной фильтр ночных занавесок, не всегда всё гладко. Например, когда родители в детстве запрещали до утра смотреть телевизор, а в соседнем доме до утра горел свет, Таша думала, что там, наверное, весело и можно долго смотреть интересное кино. Потом, качая ночами кровать с дочкой, Таша не

выключала свет и вспоминала, смеясь, свои домыслы.

Руслан с особым вдохновением вёз Ташу по Баку, он явно хотел её удивить. А Таша ехала и мечтала, что никуда не уедет, что навсегда останется здесь. Она чувствовала поцелуи Руслана на своем теле и хотела, что он был только её и ничей больше.

– Руслан, как же красиво, как здорово здесь...

– Действительно, наш город – самый лучший.

– Да... Я люблю Баку. Но ещё, например, люблю Петербург... Мне нравятся города с собственным сильным характером.

– Многие любят Париж. Но мне он показался холодным и грязным. В Париж я тебя не повезу... – Руслан громко рассмеялся.

А Таше и не нужен был Париж. Ей из Баку никуда не хотелось. Пройдёт время, и даже без Руслана город будет дорог, любим, даже больше – обожаем. Она будет приезжать сюда, чувствовать любимый запах городских улиц и радостно бродить по ним, постепенно узнавая и проникаясь каждым уголком города. Здесь Таше будет вкусно, тепло, гармонично, ярко, спокойно. Спокойствия в тот вечер Таша не испытывала, она всегда боялась потерять Руслана. И когда начались недомолвки, ей казалось, что вот-вот, ещё чуть-чуть, и он куда-то ускользнёт.

Они приехали в многоэтажный дом рядом с бульваром, сначала ехали на лифте, вышли на восемнадцатом этаже, потом поднимались на лестнице. Когда открылась дверь, Таша увидела гостиную, совмещённую с кухней, окружённую с двух сторон панорамными окнами от пола до потолка. Вечером всё светилось огнями. Из гостиной дверь вела на огромный балкон-веранду в метров пятьдесят. В квартирентхаусе было ещё две спальни. Да, это то, чего ей хотелось, но она не подозревала об этом.

– Удивил? Скажи – круто! – Руслан ждал реакцию.

– Да, невероятно круто! – Таша оглядывалась вокруг, смотрела на изысканную мебель барочного стиля и испытывала огромное удовольствие.

– Две недели мы будем жить здесь.

– Ничего себе... – Таша разбежалась и прыгнула на руки к Руслану, обняв его ногами.

Руслан крепко прижал её к себе. Она скучала по его телу, даже находясь рядом. Её тянуло прикоснуться к нему. Руками, губами... С первой их встречи ночи и жаркие дни, проведённые вместе, были незабываемы. Запах его тела она будет помнить всегда, его короткую стрижку, жёсткие волосы, которые ей так нравилось перебирать. Он позволял ей быть рядом с ним. Он не всегда соглашался на секс, будто делая его неким деликатесом, особой наградой. И от этого ей хотелось его всё больше. Он виртуозно манипулировал Ташей, чувствовал полную и безграничную власть над ней. А она растворялась в нём. Вся, абсолютно вся, каждой частицей своего тела.

– Давай завтра позовем гостей. Анар хочет приготовить пиццу.

– Зачем готовить пиццу в Баку? Здесь столько вкусной кавказской еды. Италия отдыхает...

– Он хочет прийти в гости, принесёт гитару, поиграем... Пиццу приготовим. Культурная программа, Иванова. Понимаешь?

– Понимаю, конечно...

– Мы думаем, как тебе скрасить пребывание здесь, – пояснил Руслан.

– О, мне и так тут несказанно весело и радостно. И твоего общества мне вполне достаточно.

– Может, ты тоже что-нибудь приготовишь?

– Давай я сделаю кутабы, – предложила Таша.

– Если ты уверена, что справишься, – одобрил меню Рагимов.

– С бараниной и зеленью, – резюмировала Таша.

– Отлично, – подтвердил Рагимов.

Утром Таша встала раньше Руслана, чтобы принять душ, уложить волосы, сделать лёгкий макияж и уже в бодром виде предстать перед любимым. Руслан, как истинная сова, мог спать очень долго, и только работа поднимала его с кровати. Таша пожарила яичницу. Нарезала хлеб и сыр, сварила кофе. Подошла посмотрела на спящего Руслана и

решила дать ему ещё минут десять поспать. Налила себе чашку кофе и вышла на веранду. В городе было девять часов утра, и все спешили на работу, набирали скорость рабочего дня.

Баку – город, наполненный солнцем. Наверное, поэтому люди здесь чаще улыбаются, чем грустят. Здесь с удовольствием едят, дышат морским воздухом, темпераментно переворачивают прожитые страницы и, если надо, начинают всё заново. Здесь лёгкое отношение к жизни. В Баку часто забывают о времени, в этом городе привычно опаздывать, потому что спешить тут почти признак дурного тона. Любить – вот что тут никогда не забывают. И любить здесь, кажется никто не опаздывает.

Таша отпила кофе, погрузилась мыслями в городские потоки. Стоять в пижаме на девятнадцатом этаже – какое-то фантастическое состояние. Ты как в центре Вселенной, а вся суета там, внизу, а ты над ней. Таша думала о жизни и неопределённости, как вдруг услышала движение за спиной.

– Салам, – раздалось сзади.

– Здравствуйте, – вздрогнув, машинально ответила Таша.

Оказалось, это альпинисты подкрашивали фасад. Они испугали Ташу, и она сразу очнулась от своих мыслей и пошла будить Руслана. Тот за завтраком обычно был молчалив.

До обеда они гуляли по центральным улочкам солнечного города. Дышали майским настроением, любовались друг другом и мечтали о будущем, которому никогда не суждено было сбыться. У Руслана звонил телефон, на котором высвечивалось имя «Лейла». Он объяснял, что звонит бывшая жена. Таша чувствовала неправду, но убеждала себя, что всё замечательно, и ей только кажется, что её обманывают. Девушка всегда рада обнадёживать себя и доверять. Всю свою жизнь любая женщина ждёт мужчину, который придёт и скажет: «Давай я заберу тебя от всего этого...» И только ближе к пенсии она осознаёт, что навсегда и от всего забрать её невозможно. Нет такой далёкой и

счастливой планеты, на которой люди без изъянов обитают без материальных забот и проблем, без самоанализа и плохих новостей, где любовь живёт вечно. Утопия это самая настоящая. Но Таше в тот момент жизни казалось, что они с Русланом именно на такой планете. Вопреки всему они любили, своей инкубаторской любовью, которая могла жить только здесь, в центре Баку.

Вечером пришли гости. Анар был в сопровождении девушки. Она оказалась оперной певицей. Он мастерски приготовил пиццу под звуки гитары. Руслан наигрывал лёгкие и знакомые латиноамериканские мотивы. Воздух дышал весной, концом апреля. Вынесли стол на веранду, смотрели на ночной город. Таша чувствовала себя хозяйкой. Ветер теребил волосы, запах моря дарил счастье, такое сладкое приморское счастье. На берегу моря верится только в лучшее. И Таша смотрела на море городских огней и верила, что все её мечты и планы непременно сбудутся. Певица Саадет запела джазовую композицию, которая стала прекрасным дополняющим саундтреком к атмосфере красоты и любви.

– Как же вы счастливы, – сказал Анар, – вы оба словно светитесь.

– Да брось ты, – отнекивался Руслан.

– Светитесь, светитесь... Не отрицай. Вы переполнены любовью.

– Анар, ты смущаешь, – тихо произнесла Таша, желая сохранить, сберечь этот свет.

– Мне вот никак не удаётся засветиться, влюбиться. А это ведь настоящее счастье, – Анар не менял тему.

– Анар, надо только захотеть. Открыться этому. Тогда и любовь влетит в твоё сердце, осветит душу. Значит, пока ты не готов к таким чувствам.

– А, может, скоро и откроюсь... – Анар посмотрел на Саадет и улыбнулся.

Саадет скромно опустила глаза, ей, без сомнений, было приятно внимание Анара. И они были только в начале своей истории.

Они снова пели, пили чай со сладостями. Вдруг Таша стала замечать, что Руслан всё чаще смотрит в телефон. Скрывает, но нервничает.

- Что-то случилось?
- Всё нормально.
- Точно?
- Ты, если что, сможешь сегодня переночевать без меня?
- Смогу, конечно, но не хотелось бы...
- Мне надо доехать до мамы. Кажется, с ней плохо.

Таша посмотрела на экран телефона Руслана, который ещё не успел погаснуть. И чётко увидела – Лейла. Она понимала, что жена бывшая. Так сказал Руслан. И переживать вроде не стоит. Но что-то противно тянуло внутри, слёзы наворачивались. Он уехал часов в одиннадцать и вернулся только к вечеру следующего дня. Позвонил в семь.

- Пойдём погуляем.
- Пойдём, – будто ничего не было, ответила Таша.
- Оденься удобнее. Я хочу тебя познакомить с одним замечательным товарищем.

Таша приняла красивый боевой вид, приехала на такси в парк. Шла довольная на встречу, невзирая на вчерашнее исчезновение Руслана. И искренне удивилась, когда увидела Руслана с малышом на руках. Мальчику было года два.

- Это Омар, – сказал Руслан.

Ребёнок смотрел на Ташу большими карими глазами. Он был очень спокойный, внимательно изучал Наталью, разглядывал её. Таша потрогала его маленькую пухлую ручку. Она видела, как радуется Руслан, держа этого крохотного чудо-человека. Таша не могла принять такой любви. Ревность душила её, разрывала на части изнутри. Ей хотелось убежать и чем дальше, тем лучше. Она не могла пережить, что кого-то Руслан может любить больше её.

- Это твой сын?
- Да, взял его на прогулку, – радостно разъяснил Руслан.
- Зачем ты его взял на нашу прогулку? – не сдержавшись, спросила Таша.

– Хотел вас познакомить. Хочешь поддержать?

Таша взяла его на руки. Милый, тёплый, нежный малыш, очень похожий на Руслана. Чёрные локоны, смуглая кожа. Но она не любит его, совсем, скорее, напротив. Потому что не готова делить Руслана.

Они втроём гуляли по парку. И Таша грустила. Грустила, начиная понимать неразрывную связь Руслана с другой, неизвестной ей жизнью. Где ему тоже очень хорошо, и это было ужасно. Не может ему без неё быть хорошо. Никак. Она так считала, переубедить её было невозможно. Злость Таши была противна ей самой. Наталья пыталась убедить себя, что испытывает такой негатив не к малышу, а к чему-то другому. Но ребенка она ненавидела. Скверные чувства. Она же хорошая. Правда, хорошая. Как можно не любить Омара? Но никакими аргументами Таша не могла себя переубедить.

В тот вечер он отвёз ребёнка и вернулся к ней. Он целовал её, а она ревела, будто чувствуя, что теряет его. Она вцеплялась в него изо всех сил, вдыхала его запах, любила его каждой частичкой своего тела. В ту ночь всё было волшебно. Волшебно и чудесно до потери пульса. Руки Руслана нежно и сильно приковывали Ташу к его телу. И ей мечталось, чтобы он никогда её не отпускал.

На девятнадцатом этаже, в пентхаусе, окружённом миллионом горящих огоньков, навсегда останется их персональная вселенная, полная страсти. Эта страсть будет сниться, она станет вдохновением и наваждением. Они её точно никогда не забудут. Потому что пережить и забыть такое – значит, изменить себе.

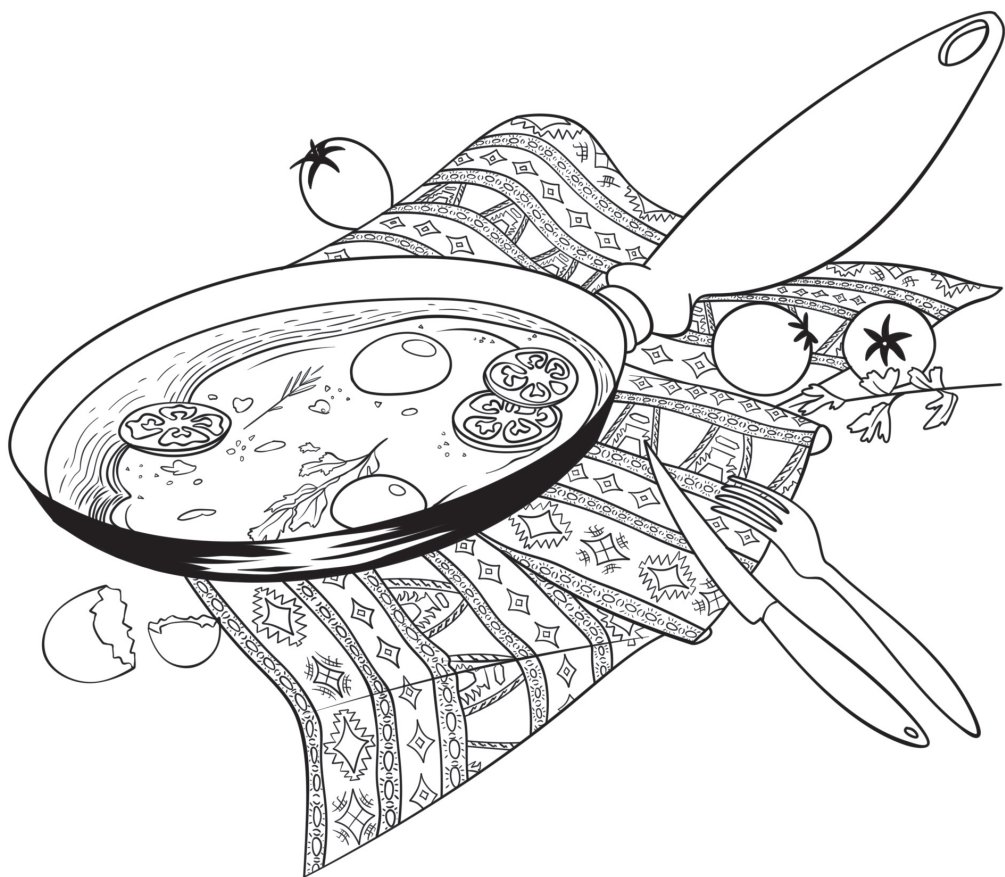
– Ты любишь меня?

– Люблю, – ответил Руслан.

– Больше чем всех женщин на Земле?

– Моё сердце как многоквартирный дом, и в нём немало места. И каждый человек живёт в своей маленькой квартирке. Меняются жители, сменяются люди в моём сердце. А ты особенная, ты в пентхаусе моего сердца. Он навсегда твой.

РЕЦЕПТ шакшукки

ИНГРЕДИЕНТЫ:

оливковое масло – 1 ст. л.

лук репчатый – ½ шт.

чеснок – 1 зубчик

сладкий перец – 1 шт.

помидоры – 4 шт.

томатная паста – 2 ст. л.

молотый кумин (зира) – 1 ч. л.

паприка – 1 ч. л.

перец чёрный молотый – щепотка

сахар – щепотка

соль – по вкусу

яйцо – 5 шт.

рубленая петрушка – по вкусу

ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИГОТОВЛЕНИЮ, 30 МИНУТ

1. Разогрейте оливковое масло в глубокой сковороде. Добавьте лук, пассеруйте до прозрачности, добавьте чеснок и томите ещё минуту-две.

2. Добавьте порезанный болгарский перец и готовьте ещё 5-7 минут, после чего бросьте в сковороду помидоры и томатную пасту и перемешайте. Теперь приправьте специями и сахаром. Снова перемешайте и снова готовьте 5-7 минут. Посолите, поперчите, попробуйте – если всё устраивает, оставьте так, если нет, добавьте соли, сахар или перец.

3. По одному выпустите в сковороду яйца, накройте крышкой и готовьте 10-15 минут.

4. За это время соус чуть выпарится. Но следите за тем, чтобы он не выпарился совсем, иначе шакшука подгорит. Есть её нужно с подсушенной питой, а подавать прямо в сковороде. Она же у вас чугунная, верно?

ПЛОВ

Прошлое проникает, переворачивает память. Помню Питер... Простуженный, предзимний, промозглый Петербург. Переулки полосками прошлого протягивали пальцы пустынному полному перекрёстку. Помню, потерялись параллели пары парадоксально полюбивших, притянувшихся, притерпевшихся. По перпендикулярам петербургских проспектов прогуливались прохожие. По-моему, полночь перекраивает повадки. Покуда перебежки подождут, прохожие просто передвигаются, поглаживая полусонных псов. Помню Питер... Повстречались в пути, пересеклись потери, потери полусумасшедших.

После апреля и пентхауса пролетело семь месяцев. Семь месяцев переписки, обид, недопонимания. Казалось, всё терялось, разлеталось как бисер с разорвавшийся нити. Что уже не собрать. Таша усиленно мыла полы. Мыла с упоением. Всё жизненное время ей казалось ожиданием. Она чувствовала себя на вокзале, бродящей по перрону с чемоданом. Ей казалось, что вот-вот что-то должно произойти. Они с Русланом держали связь по телефону. То мирились, то ругались, то признавались в любви, то подбирали слова для гневных изречений.

Качели. Качели сильных и непонятных чувств. Она хотела в Баку, хотела к нему. Всё бросить, уехать, жить любовью, а не работой. Глупые женские мечты. Мечты о такой несбыточной реальности.

Позвонила Катя, боевая подруга. Маленькая, живая, неугомонная. Дело было накануне дня рождения Таши.

– Слушай, хватит убираться. Пойдём пить кофе, может, по магазинам погуляем? В торговый центр съездим? Хватит уже хандрить.

– Почему ты решила, что грущу? – оправдывалась Таша.

– Потому что ты грустишь последние полгода точно, – тараторила Катя в трубку.

– Вообще нет. Я живу любовью. А это совсем другое.

– Ты живёшь садомазохизмом. Это совсем не любовь, это издевательство над собой, – причитала Катерина.

– Слушай, отстань, пожалуйста. Да, плохо мне. Да, невыносимо тошно... Порадуй меня чем-нибудь.

– Вот, кстати. Что тебе подарить на день рождения? – спросила Катя.

– Подари мне Рагимова, – ответила Таша.

– Опять двадцать пять! Тебе забыть всё надо. А ты снова о нём!

– Ты спросила, я ответила. Понимаешь, я его люблю. Работать не могу, жить не могу. Мне без него, понимаешь, никто и ничего не нужно, – умирающим голосом объясняла Таша.

– Ладно, пошли пить кофе... – подруга решила закончить телефонную жалобную книгу. Понимая, что в кофейне она непременно продолжится уже в реальном формате.

Таша знала, что для Кати практически нет ничего невозможного. Она авантюристка по природе. И новое приключение она воспринимает как подарок с небес. И мало удивилась, когда через пять дней Катя подарила ей билеты в Питер. Так как особых планов на день рождения не имелось, Таша с радостью согласилась поехать в город на Неве.

Вечером накануне заветного дня они сели с Катериной в поезд на Ленинградском вокзале, взяв с собой бутылку красного сухого, сыр,

чипсы и прочие гастрономические радости для нескучной дороги. Сидящий рядом с ними молодой человек, не скрывая заинтересованности, слушал их дорожные размышления о жизни. А Таша изливала душу.

– С ним что-то не так. Иначе бы мы не расставались так надолго, – смотря на мелькающие в окне поезда фонари, сказала Наталья.

– Просто для тебя это серьезно, а для него, видимо, нет.

– Ты думаешь, у него кто-то есть? – с надеждой на отрицательный ответ, произнесла Таша.

– Ну да, конечно. Он по полгода верен тебе и даже не помышляет о других женщинах, – ухмыльнувшись, ответила Катя.

– Зачем ты так? Я же храню верность...

– Тебя в Красную книгу надо занести, Иванова. Все в такие романы ещё в восемнадцать лет наигрались. А ты только дорвалась.

– Что значит наигрались? Почему ты считаешь это игрой? – с обидой проговорила Таша.

– Потому что это совсем не отношения. Это периодические встречи, набегами. Какая-то абсолютно непонятная история. Время идёт, тебе надо личную жизнь устраивать.

– А если я не хочу её ни с кем, кроме Руслана, устраивать. Тогда как мне быть? – надрыв в голосе становился сильнее.

– Может, это прозвучит грубо, но найди себе мужчину здесь, в России, для долгих, постоянных, с возможной перспективой семейной жизни отношений. А Руслана оставь как праздник. Повод улететь всегда можно найти... – Катя пыталась говорить это как можно более легко, придавая этой идее незамысловатую простоту.

– Совсем с ума сошла, – Таша начала злиться.

– Нет, с ума из нас двоих сходишь ты. И порою мне кажется, что это никогда не закончится, – Катя стала серьезной.

– Ладно, хватит ругать меня за моё светлое чувство. Что будем делать в Петербурге? Пойдём в мой любимый панорамный ресторан?

– А то! Я даже столик уже забронировала, – Катя подмигнула и улыбнулась.

Да, Таша догадывалась, но всё равно восторг был почти детский, переполняющий. На перроне стоял Руслан. Это казалось чудом, мечтой, лучшим праздничным сюрпризом. Потому что вообще появление Руслана всегда было для Таши праздником. Он приносил с собой свободу, невероятный вкус любви, страсти, вдохновения, восторженности. Он стоял рядом с Анаром в ожидании поезда и встречи и тоже был наполнен радостью. Руслан развёл руки, и Таша погрузилась в эти родные и самые любимые объятия. Мурашки побежали по телу, тепло разлетелось, расплылось с мгновенной скоростью. Она грелась им. Ничто не согревает так, как любовь. Сердце начинает биться сильнее, кровь наполняется счастьем. Таша никогда не забудет это мгновение, эту встречу на перроне Московского вокзала. Потому что позже такие сильные чувства сердце разучится переживать. Они будут только сниться, и Таша будет просыпаться в ощущении лёгкой ностальгической грусти. Руслан сжимал её кашемиром пальто, пахнущим знакомым парфюмом. И Таша погружалась в эту мечту, в это море тепла. И ей хотелось, чтобы его руки никогда не отпускали её.

Руслан привез её в красивые апартаменты в старом питерском дворе в центре, сказал, что купил всё, что Таша любит, наполнив холодильник, и ей не надо ни о чём беспокоиться. Какая еда, впрочем... Таша летала, ей казалась, что она снова получила шанс всё наладить. Они гуляли по Петербургу, любовались архитектурой, заходили в маленькие кафешки. Даже скверная погода в начале декабря не портила их настроения. Любовь согревала. Они пили кофе, тайком целовались. Отправив Катю и Анара на спектакль, вернулись в квартиру.

Они сидели на диване, обнявшись. Таша целовала кончики пальцев на руках Руслана.

– Таша, я решил, что секса больше не будет. Мне нельзя.

– Почему это? – сказала Таша, целуя его шею.

– Потому что больше ничего не будет. Давай останемся друзьями. Никто же нам не запрещает быть друзьями?

– Что за бред? Конечно, как говорил Уайльд, дружба между мужчиной и женщиной – это отношения бывших или будущих любовников, – Таша не воспринимала его слова всерьёз.

– Я серьёзно. Ты мне очень нравишься. Да, я очень сильно люблю тебя. Но ничего не будет в будущем. Его у нас нет.

– Давай откроем бутылку вина, – перебила Таша.

Руслан открыл красное сухое, разлил его по бокалам.

– Тебе не кажется, что мы существуем и всегда существовали вне времени, вне пространства? – романтично продолжила Наталья.

– Что ты имеешь в виду? – Руслан нахмурил брови.

– Я имею в виду, что у нас странные и непостоянные отношения. Но то, как нам хорошо вдвоём, всё перекрывает... А почему у нас нет будущего? С чего ты это взял?

– С того, Таша, что женат. И моя жена ждёт второго ребёнка.

Таша сжала бокал в руках и со всей силы запустила в стену за барной стойкой. Вино разбрызгалось и залило светлые обои маленькими красными капельками. Да, она подозревала, но не позволяла этим мыслям селиться в своей голове. Но, Господи, как же больно это слышать.

– Я не хочу ничего об этом знать. Как ты мог? Как ты мог всё время быть со мной, принадлежа другой женщине?

– Я любил тебя... Я не знал, что мне делать. Меня тянуло к тебе. Я боролся с собой, со своей привязанностью, с желанием почувствовать твой запах.

– Нет, ты не понимаешь, ты не только делаешь больно мне сейчас, ты делал больно ей, как её... Лейле. Ты предавал меня, ты предавал её всё это время.

– Таша, жизнь – штука противоречивая. Ты видела, я пытался вылезать из наших отношений. Но ты сама мне не давала это сделать. Звонками, сообщениями, фотографиями в социальных сетях. Я ни на

день не мог выключиться из нашего романа. Как я только слышал твой голос, я терял голову, мне хотелось убежать с тобой. Мне нравилось думать о тебе, трогать тебя, проникаться тобой.

– Руслан, как это всё пошло. Пошло звучат все эти высокопарные слова после твоего признания.

– Перестань, пожалуйста. Я бы мог тебе ничего не говорить... Мы могли бы продолжать всё... Но я хочу счастья тебе. Я понимаю, что тебя надо отпустить. Через боль, через силу. Ты думаешь, мне легко? Я хочу запереться дома с ящиком вина и ни с кем не общаться. Мне тоже надо переболеть, пережить это разлуку навсегда.

Таша интуитивно почувствовала момент и вцепилась своим губами в его губы. Они скатились с дивана на пол, срывали одежду друг с друга, словно отрывая, отвоёвывая себя у судьбы. Руслан целовал её тело, всё, будто пытаясь запомнить каждый миллиметр. Его движения были ритмичными, смелыми, он пронизывал её тело, жадно кусая губы, вцепляясь руками в её волосы. Он пытался губами словить каплю слезы с глаз Таши. Они проваливались в другой мир, мир страсти, гармонии, единства. И пусть жизнь в этом мире слишком короткая. Они любили друг друга как в последний раз, не хватало дыхания, было жарко от чувств, от выпитого вина, от любви. Солёный вкус слез, запах друг друга, аромат страстного движения тел. Им было сладко в этом приближающемся горе. Парадокс – в тот момент они были особенно близки. Теряя друг друга, они боялись, что это больше никогда не повторится, и от этого пытались урвать у жизни максимум.

Они лежали на ковре, Руслан молча закурил сигарету. Таша вытирала слёзы. Эмоции отпускали. Приходила трезвость рассудка. В теле рождалось спокойствие.

– Как будем друг без друга? – риторически спросила Таша.

– Мы же жили как-то по полгода... – выпуская дым, произнёс Руслан.

– Не знаю, как ты, а я жила ожиданием встреч. Почему жизнь с нами так?

– Таша, жизнь сложнее, чем мы думаем... Я не могу оставить жену и практически двоих детей. Продолжать всё, значит, снова предавать, скрывать, прятаться. Уйти... В нашем укладе и традициях это невозможно. Я предам не только жену, семью, я предам всех родственников. А жить изгоем невозможно.

– А я? Как я буду? – обиженно воскликнула Таша.

– Таша, ты будешь счастлива. Ты хороший, яркий человек. Открытая, сексуальная. И через какое-то время ты будешь готова полюбить снова.

– Я не готова ни сегодня, ни через пятьдесят лет быть с кем-то ещё.

– Это ты сейчас так думаешь. Наши отношения выращены на страсти. Они слишком хрупкие. Ещё большой вопрос, смогли бы мы наладить семейную жизнь...

– Мы даже не попробовали, Руслан...

Сигаретный дым наполнял комнату. Туманное сознание, речи, больше похожие на поток экспрессии. Слёзы, плач, вино, объятия... Снова проникновения, снова запах друг друга, снова погружение в счастье, жить которому осталось совсем немного.

– Давай уже вставать. Голова болит. От слёз и дыма, по всей видимости. Надо выпить таблетку, умыться...

– Что будем делать? – Руслан докуривал последнюю сигарету.

– Давай приготовим плов. покормим Катю, Анара. Тяжелее в желудке, легче на сердце. Что бы ни было, мы давно родные люди, и вряд ли кто-то сможет это у нас отнять.

Таша встала, открыла форточки, чтобы проветрить квартиру. Одевалась, собрала разбросанные вещи. Попыталась стереть губкой вино на стене. Удалось это не очень. Собрала осколки в мусорное ведро. Села на подоконник. За окном виднелись купола храмов. Таша вспоминала все возможные молитвы. Оглянулась. Посмотрела на Руслана. Он уснул, и она решила, что не будет его будить, пусть поспит полчаса. Ей тоже надо побыть наедине с собой. Ей это сейчас жизненно необходи-

мо. Моросил снег. Таша тихо плакала, смотря, как снег покрывает маковки церквей. Почему всё так несправедливо? И почему она должна его отпустить? Вспоминалось всё лучшее, что между ними было...

Таша выпила таблетку, запив её большим стаканом воды. Заодно откопала в сумке успокоительные капли и выпила их. Оделась, умылась холодной водой, чтобы хоть как-то снять отёк от истерики. Накрасилась, взбила и подкрутила волосы.

– Руслан, вставай, поехали в магазин, купим всё для плова.

– Нет сил, Иванова. Совсем нет сил, – вздыхая, сказал Руслан.

– Надо. Скоро приедут Катя и Анар, я прибралась, давай приготовим ужин.

Они собрались, спустились вниз на старинном лифте, издающим странные драматичные звуки.

Вечерний Питер был полон праздногогуляющих и иногда спешащих людей. Из многочисленных кафе доносилась музыка. Бомжеватого вида бородатый мощный мужик в кирзовых сапогах напевал матерные частушки. Таше казалось, руководство города специально сажает таких чудиков для атмосферы, для антуража. «Когда нетрезвые поэты встречают пьяных грустных муз, то появляются сонеты и блюз...» Строки из Сети могли бы стать эпиграфом к описанию питерской атмосферы начала декабря. Душа города похожа на плачущего музыканта, слегка выпившего романтика, глубинно анализирующего и завывающего сентиментальную балладу о любви, которой не суждено состояться. Здесь молодо и андеграундно. Много фриков в толпе, странных мелодий и прекрасного... На каждом углу, на каждом здании. В Питере пахнет кофе и пышками. Санкт-Петербург, пожалуй, лучшее место на планете для обнуления. На улице Таша с Русланом стали потихоньку приходить в себя, принимать ситуацию, соглашаться с жизнью. Хотя... Это, скорее, был мираж и временное успокоение.

В продуктовом магазине они приобрели всё, что было нужно для плова. Выбрали свежую баранину, длиннозёрный рис, сливочное масло. В отделе фруктов и сухофруктов купили курагу, каштаны, сушёный

чернослив. Яйца, репчатый лук. Вооружившись всем необходимым, придя домой, они взялись за приготовление. Анар и Катя отзвонились, что будут не раньше, чем через два часа. Они уже успели погулять по городу, сходили на спектакль. На часах была половина девятого, и они решили ещё погулять по городу. Таша замочила рис, Руслан нарезал мясо.

– Ты знаешь, мы с тобой могли бы многое сделать. Мы оба Стрельцы, и наша энергия свернула бы горы.

– Таша, что бы ни случилось, где бы мы ни были... Я всегда буду мысленно рядом. Мы ещё не расстались, я уже скучаю, – Таше казались слова Руслана очень искренними.

– Я не понимаю задумку судьбы. Зачем нас было соединять, чтобы потом так болезненно разлучить?

– В жизни всё происходит не просто так, для чего-то мы были необходимы друг другу, – Руслан скинул разрезанное мясо в миску.

Таша закинула мясо в кипящую воду.

– Что ты испытывал, когда возвращался после меня домой?

– Зачем ты об этом спрашиваешь? Я не уверен, что ты хочешь это знать, – Руслан промыл сухофрукты и залил их кипятком.

– Я правда хочу понять, насколько человек может любить двух женщин одновременно. Я без издёвки. Мне просто интересно понять, возможно это или нет, – Таша резала лук, и слёзы лились, скорее, от него, а не от нахлынувшей грусти.

Руслан разогрел сковороду, добавил сливочное масло, бросил туда нарезанный лук.

Таша слила воду с сухофруктов и добавила их в сковороду. Руслан положил туда же мясо. Кухня наполнилась невероятным ароматом. Таша поставила варить рис. Делать это нужно было недолго, до полуготовности. Руслан в отдельной кастрюле варил на медленном огне каштаны. Таша взяла отдельную чашку, бросила в неё сливочное масло, куркуму и немного соли и поставила всё плавиться в микроволновку. Потом Таша долго рылась на кухонных полках арендованной

квартиры, чтобы найти кастрюлю с самым толстым дном. Найдя, Таша смазала её сливочным маслом, выложила на дно яично-рисовую кашу, слоями выложила рис несколькими порциями, а между слоями риса разлила масло с куркумой, положила мясо. И, выдохнув, поставила всё тушиться на медленном огне.

– Мы неплохо работаем в тандеме, Иванова, – моя руки, сказал Руслан.

– Да, ни одного спорного момента, никакой напряжённости. Мы созданы друг для друга, – усмехнувшись, Таша поцеловала его в лоб.

Дома было тепло и уютно, пахло едой, жареным мясом. Таша включила радио, играла Лорен Кристи «Цвет ночи».

– Делай громче. Давай потанцуем, – предложил Руслан.

– Давай, – Таша подошла ближе.

Они медленно двигались в такт музыке. Таша положила голову на плечо. Руслан нежно, но одновременно сильно прижимал её к себе. Не было лжи, не было фальши, никто не знал, что будет дальше. И это незнание дарило дню сегодняшнему свободу. Руслан приглаживал волосы Таши, целовал её в лоб, в щёки, в губы. Не мог остановиться. Они создали мир, который у них теперь отнимают. И они должны это принять и жить с потерей.

– Я всегда буду рядом. И, если я вдруг буду нужен, только позови, и я сразу приду, прилечу.

– Я не буду тебя тревожить.

Таша лукавила – и месяца после Петербурга она не прожила. Боролась с тем, чтобы позвонить и написать. Потом улетела в Баку. Встречи с Русланом там были короткими и нервными. Расставание после каждой было болезненным. Ребёнок, которым Таша попыталась спасти ситуацию, был зачат именно тогда. Таша не верила в то, что делает искусственное дыхание мёртвой безвыходной ситуации. Она просто любила. Любила с огненной и всепоглощающей страстью, которая, видимо, накрывает человека только один раз в жизни. И эта страсть

может долго раскачивать качели, которые своей ограниченностью амплитуды никогда не выведут из замкнутого круга. Только прыжок с закрытыми глазами может спасти. Спрыгнуть навсегда – единственный способ остановить качели страсти. Главное при этом – остаться в живых.

РЕЦЕПТ

бакинського мюба
с сухофруктами

ИНГРЕДИЕНТЫ:

курица – 1 шт.

луковица крупная

250 г топлёного масла

500 г сухофруктов (курага, изюм, чернослив, инжир)

3 стакана длиннозёрного риса (басмати)

1 ст. л. семян зиры

1 ст. л. барбариса

яйца – 2 шт.

ПОШАГОВЫЙ РЕЦЕПТ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Рис тщательно промыть и обсушить. Вскипятить 2 л воды, добавить 2 ч. л. соли, всыпать рис и варить его до тех пор, пока он не станет чуть мягким, 7-10 мин. Откинуть на дуршлаг. Казан или толстостенную кастрюлю смазать топлёным маслом. Яйца взбить и вылить в казан. Туда же выложить слоями рис, каждый слой поливая топлёным маслом (около 150 г). Накрыть казан крышкой и поставить на очень маленький огонь на 20-25 мин., пока внизу не образуется хрустящая яичная корочка. Снять казан с огня и укутать в одеяло. Сухофрукты вымыть, высушить и обжаривать 5 мин. в 3 ст. л. топлёного масла. Залить 1,5 стакана кипятка и тушить на среднем огне до мягкости (в сковороде должна оставаться фруктовая подливка). Курицу нарезать порционными кусками и обжаривать в оставшемся масле вместе с мелко нарезанным луком до готовности, 30-40 мин. При подаче выложить рис горкой на подогретое блюдо, поместив сверху разломанную яичную корку и куски курицы с луком. Сухофрукты можно подать отдельно.

КУТАБЫ

(Эпилог)

На ужин Таша готовила кутабы, мечтала порадовать домашних. Она научилась их готовить без саджа – на сковороде. Эти тонкие пирожки в виде полумесяца нравились абсолютно всем. Дети любили с мясом, Кирилл – с сыром, мама – с зеленью. Вода, соль, мука – так мало нужно для этого вкуснейшего теста. Таша даже приноровилась его тонко раскатывать, тесто становилось тоньше салфетки. Тонко клалась и начинка. Парная говядина в виде фарша, ароматная зелень, кавказский сыр.

Когда спустя год после расставания жизнь Таши наладилась, появился Кирилл, который её оберегал, охранял, принимал со всем грузом тяжёлой любовной истории, Наталья твёрдо решила никогда, даже под дулом пистолета, не звонить и не отвечать на звонки Руслана. Когда под Новый год раздался звонок со скрытого номера, Таша ответила, не ожидая услышать:

-
- Привет, Иванова, как твои дела?
 - Нормально. Кто это? Я вас не узнала.
 - Таша, это я, неужели забыла? – Руслан спросил, словно обвиняя.
 - Нет. Но я думаю, у нас мало общих тем, – холодно произнесла

Таша.

– Мне очень плохо. На меня напали, ножевое ранение, я уже три недели в реанимации. Врач сказал, мне очень повезло, что я выжил. Шансов было мало.

Холод прошёлся по телу Таши, но она сохраняла самообладание.

– У тебя всё наладится, – тихо произнесла Таша.

– Ты мне сейчас очень нужна... – с надеждой ответил Руслан.

– В моей жизни другой человек. И я его люблю.

– Я рад за тебя, – разочарованно проговорил Руслан.

– В твоей жизни всё тоже будет хорошо. Не грусти. Поправляйся, скорейшего выздоровления, – и Таша положила трубку.

В мессенджер ещё приходили фото из больницы. Но Таша не отвечала.

В тот вечер Таша подробно рассказала всю историю будущему мужу. Он мужественно выслушал всё. За окном валил снег, техника не справлялась с таким количеством осадков. В их коттеджном посёлке было невозможно проехать на машине. Кирилл достал лопату и дал её Таше. Наталья в течение трёх часов усиленно чистила снег. Плакала и чистила. Вспоминала и чистила. С каждым десятым метром дороги становилось легче. Она вычищала не только дорогу, но и собственные мысли, собственную боль, чтобы выйти в будущее обновлённой и быть по-новому влюблённой и счастливой. Качели должны были остановиться.

РЕЦЕПТ

азербайджанских кутабов с зеленью

ИНГРЕДИЕНТЫ:

растительное масло – 1 ст. л.

топлёное или сливочное масло плюс

ещё для подачи – 1 ст. л.

соль

сумах, по желанию

средняя луковица – 1 шт.

мука плюс ещё немного для присыпки – 3 стакана

любая зелень (зелёный лук, кинза, тархун, укроп,

петрушка, шпинат, мангольд) – 400 гр.

ПОШАГОВЫЙ РЕЦЕПТ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Шаг 1

Для теста просейте муку в миску, добавьте щепотку соли. Постепенно замешивая, подливайте смешанную с растительным маслом воду комнатной температуры, чтобы получилось не слишком крутое тесто. Накройте его полотенцем и оставьте на 30 мин.

Шаг 2

Для начинки очистите и мелко нарежьте луковицу. В сковороде разогрейте топленое или сливочное масло, положите лук и томите на слабом огне до мягкости, помешивая, чтобы лук почти не изменил цвет, примерно 7 мин.

Шаг 3

Тем временем тонко нарежьте зелень, удаляя жесткие стебли. Положите зелень в сковороду с готовым луком, перемешайте и снимите с огня. Приправьте начинку солью, остудите.

Шаг 4

Разделите тесто на 15-18 частей. На присыпанной мукой поверхности раскатайте каждый кусок в очень тонкую лепёшку, почти прозрачную (раскатанные лепёшки держите под толстым полотенцем или под плёнкой, чтобы не сохли). Поставьте на средний огонь сухую сковороду с толстым дном.

Шаг 5

На половину каждой лепёшки выложите начинку, накройте второй половиной и тщательно прижмите края. Начинка должна быть распределена по всему объёму кутаба тонким слоем, а края должны быть очень узкими (лишнее тесто можно обрезать).

Шаг 6

Порциями обжаривайте кутабы на сухой, хорошо нагретой сковороде примерно по 1,5 мин. с каждой стороны. Готовые кутабы кладите в подогретую миску, сразу же смазывайте топлёным или сливочным маслом и держите под крышкой. Подавайте горячими или тёплыми, при желании посыпав сумахом.

*Мы молимся на разных языках,
И что случилось с нами – неизбежность.*

*У Каспия манящая бережность,
Меня – Иисус, тебя хранит Аллах.*

*Мы молимся на разных языках,
Не быть единым, не любить навеки,
В крови текут разрозненные реки
Историй, предков, дымок на глазах.*

*Мы молимся на разных языках,
Двух полушарий в жизнь несовместимость –
Твой темперамент и моя открытость
В неосторожных фразах и словах.*

*Мы молимся на разных языках,
Я всё забуду, вычеркну, остыли,
Смету с туфель остатки летней пыли,
В ночи оставлю потерявший страх.*

*Мы молимся на разных языках,
Колокола звонят для нас иначе,
И ничего совсем уже не значат
Все письма – пепел, опустевший прах.*

*Мы молимся на разных языках,
Но за тебя молиться снова буду
Своей молитвой, знаю я покуда
Любовь от Бога – одна на небесах...*

Капля дождя по стеклу,
Пронзая пространство водою...
Прозрачною летней грозой
Тебе на закате сверкну.
Видишь, вдали корабли
Идут, отдаляясь всё дальше,
Вино все мудрее и слаще,
И мы быть такими могли.
Капли разорванных струн,
Нехитрых иллюзий, мечтаний,
Разорванных в клочья страданий,
Промок обессилевший вьюн.
Дожди как прощальное танго,
Нас и не было в этой главе,
Седой волос в твоей голове
Солнце после высветит нагло.

Капля водкою бросится в штоф,
Пронзая пространство и ветки,
Нельзя зарядить от розетки
Промокишую напрочь любовь.

*Холодным ливнем в летний зной твоё непониманье,
Больна другим, а не тобой в серьёзном осознанье,
Жара кипит и бьёт в виски, не до тебя мне вовсе,
Ты вроде тоже от тоски меня спеша подбросил.
Пылило летнее шоссе, петляли переулки,
Хотелось сладкого глясе или французской булки.
На набережной все дома как пряники под солнцем,
Мы проезжаем, и видны блики лучей в оконцах.*

*Останови, пройдем пешком, в машине очень душно,
Мы как студенты вдруг вдвоём болтаем простодушно.
Больна другим, не сожалей, проходит всё когда-то,
Спустя десятки грустных дней не хочется возврата.
Холодным ливнем в летний зной на набережной прекрасно,
За зеленью и над водой в душе светло и ясно,
Меня не знает здесь никто, от этого, как в детстве,
Всё безнаказанно, смешно и странно, что мы вместе.*

*Снимаю туфли, босиком пройду, травы касаясь,
Я не хочу, но всё равно ресницей прикасаюсь,
Мне кажется, что ты спешил, садись за руль – пора нам,
По разным жизням, городам и неизвестным странам.
Больна другим, зачем спеши сегодня прилетела -
В этой июльской духоте прохлады захотела.
Зайдем в кофейню, аромат – не устоять, манящий,
Глотаю кофе. Дипломат, не уезжайшь раньше.*

*Родной проспект, машинный шум, салоны и веранды,
Как будто к фильму интеришум – провинциальный, странный.
Больна другим, но я в тебя впелась новым отростком,
В коротком платье я кажусь отчаянным подростком.
Езжай, пора, я выйду позже, не надо ложных сплетен,
Наш мир и так ужасно сложен – семья, работа, дети.
Ты уезжаешь, зашуршал в окне кофейни ливень,
Холодный ливень в летний зной как наш роман наивен...*

Предпечатная подготовка:
Издательско-коммуникационная группа
«БИЗНЕС-ДИАЛОГ МЕДИА»

BDM business
DIALOG
MEDIA

Дизайнер: Елена Кислицына
Корректор: Мария Соколова
Иллюстрации: Анна Швец,
Анастасия Бондаренко
Фотограф: Александр Падежов

Все рецепты взяты с сайтов:

www.koolinar.ru

www.receptynazimu.com

<http://optim1stka.ru/2017/11/23/neveroyatno-vkusnoe-blyudo-dolma-po-osobomu-retseptu/>

<https://womanadvice.ru/pahlava-azerbaydzhanskaya>

<https://eda.ru/recepty/zavtraki/shakshuka-jaichnica-s-pomidorami-52383>

<https://www.gastronom.ru/recipe/1814/bakinskij-plov-s-suhofruktami>

Все события и персонажи вымышленные.
Любое сходство с реальными событиями случайно.

Издательско-коммуникационная группа
«БИЗНЕС-ДИАЛОГ МЕДИА» поддерживает молодых
художников России и благодарит за созданные иллюстра-
ции к книге Анну Швец и Анастасию Бондаренко.

Информационные партнёры:

B D M business
DIALOG
MEDIA

RBG
Russian Business Guide

СОЮЗ
ЖУРНАЛИСТОВ
ПОДМОСКОВЬЯ

RusCable.Ru
Энергетика. Электротехника. Связь.
Первое отраслевое электронное СМИ Эл № ФС77-28661

MADA.W

Prelest.com

группа «Книги» www.facebook.com/knizhniki/

Суворовская Мария Сергеевна

КАЧЕЛИ НАД КАСПИЕМ

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536

Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Подписано в печать 26.11.2018.

Формат 145x210 мм. Тираж 10000 экз.

Качели над Каспием

Мария Суворовская-

писатель, поэт. Член правления Союза журналистов Подмосковья, член Комитета по предпринимательству в сфере медиакоммуникаций ТПП РФ, генеральный директор издательско-коммуникационной группы «БИЗНЕС-ДИАЛОГ МЕДИА». Родилась в Московской области. Журналист, предприниматель, общественный деятель.

9 785001 227793